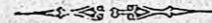

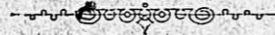
ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII в.).

Н. Р. Сумцова.

(Оттиски изъ I—IV кн. »Кіевской Старины« 1884 г.).

КІЕВЪ

1884.

Въ типографіи Г. Т. Корчанъ-Новицнаго, Михайл. ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Южнорусская литература начала и конца XVII ст.—Значеніе Галитовскаго, какъ писателя.—Возникновеніе науки и литературы въ Кіевѣ.—Могилянская коллегія.—Начитанность Галитовскаго. Что имъ прочитано и какъ онъ воспользовался прочитаннымъ.—Отношенія Галитовскаго къ Барановичу.—Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ.—Галитовскій, какъ ректоръ кіево-могилянской коллегіи.—Южнорусское проповѣдничество XVII ст. Вліяніе польской проповѣди. „Ключъ Разумній.“ Гербовый панегирикъ. „Наука о зложеніи казаній.“ Замѣчанія Галитовскаго о старинномъ малорусскомъ проповѣдничествѣ. Отличительныя особенности проповѣдей Галитовскаго. Догматическій и нравственно-назидательный элементы. Реальныя знанія Галитовскаго, изложенныя въ „Ключѣ Разумній.“ Міроустройство. Происхожденіе грозы и вѣтра. Причины землетрясеній. Замѣтки Галитовскаго о животныхъ, растенійхъ, камняхъ и составѣ человѣческаго тѣла. Естественно-научныя свѣдѣнія современинхъ Галитовскому кіевскихъ ученыхъ. Языкъ „Ключа.“—Отсутствіе національнаго малорусскаго содержанія въ проповѣдяхъ Галитовскаго. Возрѣніе его на крестьянъ, какъ на хамово колыно.—Угнетенное положеніе православія въ малорусскихъ областяхъ Польши. Измѣна православію правобережнаго малорусскаго духовенства. Противодѣйствіе уни и католицизму со стороны Барановича и его друзей. „Бѣлоцерковская Бесѣда“ Галитовскаго. Среднерѣчковое поклоненіе Мадоннѣ въ Польшѣ и Малороссіи XVII в. „Небо Новое.“ Цѣль составленія книги. Историко-литературное значеніе „Неба.“ Краевой малорусскій элементъ въ „Небѣ.“ Поѣздка Галитовскаго въ Литву.—„Мессія Правдивый.“ Изданія и переводы „Мессіи.“ Причина составленія „Мессіи.“ Лже-мессія Сабефа Цип. Источники и пособія Галитовскаго. Содержаніе „Мессіи.“ Отношенія Галитовскаго къ евреямъ. Полемическій тонъ Галитовскаго.—Галитовскій—архимандритъ черниг. елецкаго монастыря. „Скарбица.“ Поѣздка Галитовскаго въ Москву.—„Старая вѣра“ Боймы, „Новая вѣра“ Барановича. „Старый костель“ Галитовскаго. Краткая біографія Барановича и автобіографія Галитовскаго. Содержаніе „Старого костела.“ Возраженія Галитовскому. „Голіафъ“ Рутки, „Фундamenti“ Галитовскаго. Свидѣтельство Галитовскаго о гоненіи на православныхъ со стороны латино-уніатскаго духовенства и папозъ. Замѣчаніе о Зоизѣ.—Нападены татаръ и турокъ на Малороссію. Противодѣйствіе магометанамъ со стороны Галитовскаго. „Лебедь.“ Зачатки малорусскаго славянофильства.—Соціианство. „Азфавитъ еретиковъ.“ „Софія Мудрость.“ Мнѣнія Галитовскаго о Лютерѣ, Кальвинѣ и Гуссѣ. Его зависимость отъ католическихъ источниковъ. „Боги поганскіе.“ „Души.“—Кончина Галитовскаго.—Его портретъ.—Заключеніе.

ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ началѣ XVII вѣка южно-русскіе писатели въ своей ученой дѣятельности постоянно имѣли въ виду народныя потребности и нужды. Научная дѣятельность развивалась преимущественно въ Острогѣ и въ Вильнѣ подѣ защитой братствъ. Въ большей части дошедшихъ до насъ научныхъ и литературныхъ памятниковъ начала XVII ст. языкъ простой, ясный, сильный, довольно близкій къ народной рѣчи; въ нихъ много живости, бойкости, исторической документальности. Таковы: „Перестрога“, Посланія Іоанна Вишенскаго, „Өрипись“ М. Смотрицкаго и нѣкот. друг.

Около половины XVII ст. украинская наука поселяется въ мрачныхъ аудиторіяхъ кіево-могилянскаго коллегіума. Въ количественномъ отношеніи она сильно разрастается; въ качественномъ отношеніи падаетъ, понижается. Въ южно-русской литературѣ, развившейся подѣ влияніемъ могилянскаго коллегіума, слишкомъ много пустословія, витіеватости, искусственности. Сочиненія главныхъ писателей этой эпохи: Барановича, Галытовскаго, Гизеля, Радивилловскаго, наглядно показываютъ, до какой степени оскудѣнія можетъ дойти научная мысль, протиснутая черезъ узкія, тенденціозно сколоченныя школьныя рамки.

Трудно выдѣлить Галытовскаго, при первомъ чтеніи его сочиненій, изъ ряда современныхъ ему южнорусскихъ писателей. Его „Души“ наводятъ на читателя невыносимую скуку, а „Мессія“ валится изъ рукъ. Нужно ознакомиться съ его „Бесѣдой“ и „Фундаментами“, нужно сопоставить эти маленькія, дѣльно написанныя книжки съ объемистыми сочиненіями Барановича, Гизеля и Радивилловскаго, чтобы оцѣнить превосходство Галытовскаго надѣ этими писателями;

по умственнымъ дарованіямъ и пачитанности, Галатовскій болѣе всякаго другаго можетъ быть названъ представителемъ южно-русской литературы второй половины XVII ст. Всѣ недостатки этой литературы ясно сказались въ его сочиненіяхъ; лучшія литературныя произведенія этой эпохи принадлежатъ перу Галатовскаго. Въ Галатовскомъ южная Россія нашла талантливаго ученаго дѣятеля, отчасти дѣятеля политическаго, вообще умѣлаго и опытнаго бойца за южнорусскую народность, точнѣе сказать, за главное въ XVII в. ея проявленіе,—православіе.

Личность Галатовскаго до послѣдняго времени оставалась въ тѣни: сочиненія его не были подробно обследованы. Причина—крайняя скудость письменныхъ, документальныхъ свѣдѣній о Галатовскомъ. Въ силу этой скудости, изслѣдователь не можетъ ни освѣтить достаточнымъ количествомъ фактовъ личность этого писателя, ни объяснить его политическую дѣятельность въ связи съ современнымъ ему состояніемъ южной Россіи¹⁾.

О мѣстѣ и времени рожденія Галатовскаго, о его родителяхъ и первоначальномъ воспитаніи ничего не извѣстно. Извѣстно только, что онъ учился въ кіево-могилянскій коллегіи. Здѣсь онъ увидѣлъ свѣтъ науки, точнѣе сказать, ея блѣдный отблескъ, пробившійся черезъ дремучія дебри схоластики. Къ Галатовскому болѣе, чѣмъ къ кому-бы то ни было, идетъ названіе питомца кіевской коллегіи, такъ какъ онъ всосалъ въ себя всѣ ея духовныя соки, и хорошіе, и дурныя.

Кіевъ сталъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи съ 20 годовъ XVII ст. Насадителями школьной науки и литературы тутъ явились кіево-печерскіе архимандриты: Плетенецкій, Копыстенскій и въ особенности Петръ Могила. Петръ Могила въ юго-

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о Галатовскомъ 1) Въ его сочиненіи «Stary kosciol. 1678; 2) Письмахъ Лазаря Барановича. Изд. 2. 1865 г.; 3) Памятникахъ кіевск. временной комисіи для разбора древнихъ актовъ, 1846 г. II. 223—226; 4) Актахъ южной и западной Россіи, т. IX, XI и XII; 5) ненапечатанныхъ письмахъ Галатовскаго къ царю, хранящихся въ библиотекѣ московскаго общества исторіи и древностей подъ № 98; 6) Исторія русской іерархіи, Амвросія, въ 6 томѣ, и 7) Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета, М. Евгений, Аскоченскій, Костомаровъ, Вишневскій новыхъ свѣдѣній о жизни Галатовскаго не представили.

западную русскую образованность внесъ западно-европейскія схоластическія начала, подѣйствовавшія на южно-русскую національную мысль, какъ „смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ“. Греческія и протестантскія вліянія были устранены. Кіевскій коллегіумъ построенъ всецѣло по образцу іезуитскихъ коллегій. Нѣкоторые изслѣдователи, панегиристы Петра Могилы, полагаютъ, что „всѣ заимствованія Могилы изъ іезуитской педагогики ограничивались лишь формами, которымъ сообщался другой духъ и характеръ¹⁾“. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ области умственныхъ отношеній и интересовъ содержаніе и форма сливаются нераздѣльно и одно другое обусловливаетъ и опредѣляетъ. Съ заимствованіемъ вишнихъ формъ іезуитской педагогикіи незамѣтно было воспринято въ русскую жизнь и схоластическое латинское содержаніе, выразившееся въ напыщенномъ „казань“, вытѣснившемъ скромную „гомилію“, въ стремленіи высшаго духовенства поработить мірянъ, въ усиленіи сервиліума, въ особомъ толкованіи ученія о времени пресуществленія св. Даровъ.)

Кіево-могилянскія коллегіи выдѣлились изъ ряда братскихъ школъ характеромъ своей педагогикіи. Отличительными чертами педагогикіи кіевской коллегіи служатъ съ дидактической стороны строгій схоластическій методъ преподаванія всѣхъ наукъ и преобладаніе латинскаго языка, а со стороны воспитательной строгая школьная дисциплина.

Въ коллегіи было восемь классовъ: 1) фара, или аналогія, 2) инфима, 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) поэзія, 6) риторика, 7) философія и 8) богословіе.

Въ первое время существованія коллегіи, во время обученія въ ней Галатовскаго, фара была элементарнымъ, приготовительнымъ классомъ; учили въ ней только латинскому и славянскому чтенію и письму. Въ XVIII столѣтіи занятія въ фарѣ значительно усилились.

Въ инфимѣ ученики начинали говорить по латини, переводили съ латинскаго языка на русскій и обратно, писали небольшія классныя упражненія, или экзерциціи. Наставникомъ Галатовскаго въ инфимѣ былъ Лазарь Барановичъ.

¹⁾ Личевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи» 1870 г., VII. 473.)

Въ грамматикѣ и синтаксисѣ ученики одолѣвали грамматику Альвара, трудились надъ оккупаціями, или домашними письменными упражненіями въ латинскомъ языкѣ, говорили исключительно по латыни.

Трудно сказать, что въ первыхъ четырехъ классахъ коллегіи преподавалось, кромѣ латинскаго языка: русскій и греческій языки, повидимому, были на заднемъ планѣ; съ арифметикой, священной исторіей и краткимъ катехизисомъ въ низшихъ классахъ коллегіи знакомили лишь слегка. Строго говоря, все обученіе вертѣлось на латинской грамматикѣ. „Одну и ту-же грамматику, что писалъ краковскій профессор математики Брожка (Броціусъ) въ сочиненіи „*Gratis*, или Разговоръ гражданина съ священникомъ, іезуиты разбили на множество частей—инфиму, грамматику, синтаксису. А это простымъ и неразумительнымъ родителямъ кажется превосходнымъ: думаютъ они, что сынъ ихъ, слушая науки въ 1, 2, 3 и 4 школѣ (т. е. классахъ), уже сдѣлался греческимъ или римскимъ императоромъ или полководцемъ, или получилъ премію, или схватилъ какой-нибудь образокъ; а развѣ этого мало?... При этомъ не замѣчаютъ, что во всѣхъ этихъ классахъ одна наука, одна только грамматика“¹⁾“.

Самый учебникъ латинскаго языка, составленный Альваромъ, отличался, по словамъ Брожки, крайней темнотою. Альваръ въ іезуитскихъ школахъ держался отъ XVI до XIX ст. Въ кіево-могилянскій академіи и въ семинаріяхъ по этому отупляющему учебнику учились болѣе ста лѣтъ. Въ великорусскихъ семинаріяхъ въ XVIII в. грамматика Альвара пользовалась уваженіемъ и восхвалялась до небесъ. Наставники семинаріи изображали эту грамматику въ видѣ дерева и писали ему похвалу: „Высоко это древо и досягаетъ до неба, ибо Творецъ неба, самъ сій премудрость, любить ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви“ и т. д.²⁾“.

Поэзія и риторика во время Галятовскаго преподавались въ одномъ классѣ и въ теченіи одного года. Въ XVII ст. предметы

¹⁾ Пекарскій, Кіев. наука, въ «Отечеств. Запискахъ» 1862. II, 563.

²⁾ Знаменскій, Духовныя школы, 437.

эти раздѣлились на два класса и проходились въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ цитикой понималось искусство плести вирши (*ars rangendi versus*); подъ риторикой—игра въ прозаическія словесныя формы, наборъ механическихъ рецептовъ, какъ составлять періоды, писать письма и ораторскія рѣчи на всевозможные случаи жизни. Въ поэзіи и риторикѣ ученики уже заявляли свою ученость виршами и ораціями въ школѣ и внѣ школы. По словамъ Теофана Прокоповича, грубый XVII в. благоговѣлъ передъ такими пустяками, какъ схоластическія вирши и ораціи¹⁾.

Мифологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитой обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ наставникахъ и воспитанникахъ, что, кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всеми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ мифологическихъ примѣненій даже такія сочиненія, которыя легко могли-бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній. Такъ, Сильвестръ Коссовъ на 10 страницъ своего Патерика (1635) сравниваетъ печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ²⁾. Изъ кіевскихъ ученыхъ и писателей второй половины XVII в. Галятовскій обнаруживаетъ наибольшую наклопность къ мифологіи. Въ „Ключѣ“ образами Христа являются Юпитеръ и аѳинскій царь Кодръ.

Наставникомъ Галятовскаго въ риторикѣ былъ Л. Барановичъ, о чемъ говоритъ самъ Галятовскій въ началѣ „Старога Костела“.

Ученики первыхъ 6-ти классовъ составляли младшее братство, *sodales minoris congregationis*; ученики двухъ высшихъ классовъ—старшее братство, *sodales majoris congregationis*. Первые назывались учениками, вторые студентами; существенное отличіе двухъ высшихъ классовъ состояло въ наукахъ. Здѣсь преподавались философія и богословіе, дававшіе воспитанникамъ острое оружіе, которымъ они отражали нападенія иновѣрныхъ враговъ. Коллегіальская философія была въ полномъ смыслѣ философія схоластическая,

¹⁾ Липчевскій, «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1870, Авг. 468.

²⁾ Аскоченскій, Кіевъ, I. 135 и примѣч. стр. 332.

ancilla theologiae. Аристотель процвітавъ въ коллегіи и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона, а Франціи Декарта. Дошедшія до нашего времени руководства по философіи, относящіяся къ XVII в., составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, заключающая теорію доказательства, или силлогистическихъ умозаключеній. Логика примѣняла законы мышленія къ разнымъ случайностямъ умственного дѣланія. Физика трактовала о матеріи и формѣ вещей, природѣ и свойствахъ видимыхъ предметовъ, времени и пространствѣ и о душѣ. Метафизика учила о безтѣлесныхъ существахъ. По замѣчанію историка кievской коллегіи, „суровая строгость и головоломная сухость философской науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины, они уважали ее, даже поставляли себѣ за честь отличиться діалектическими тонкостями, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душой привязанныя къ этой наукѣ, погружьтесь, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты“¹⁾.

Богословіе въ кievской коллегіи читалось съ величайшей обширностью и отчетливостью. Полный курсъ богословія оканчивали въ 4 года. Въ виду религиозныхъ споровъ, волновавшихъ юго-западный край, преподаваніе богословской науки неизбѣжно приняло характеръ полемическій. И въ богословской наукѣ господствовали Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формами своей методики. Образцомъ богословствованія считался Тома Аквинскій.

Старинная кiev-могилянская академія не развивала мышленія. Вниманіе учащихся было обращено на формы, а не на сущность предметовъ. Все коллегіумское образованіе клопилось къ тому, чтобы приготовить искусныхъ льстецовъ и умѣлыхъ полемистовъ. Преподаваніе богословія не столько утверждало учениковъ въ истинахъ христіанства, сколько приучало ихъ къ религиозному ханжеству и вишней обрядности, укрѣпляло ихъ въ предрасудкахъ и суевѣріяхъ. Преподаваніе логикѣ и реторикѣ развивало въ ученикахъ наклонность къ составленію панегириковъ, которые вредно

¹⁾ Аскочепскій, Кіевъ, I. 139.

дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ,—первыхъ приучали къ постыдному ласкательству, во вторыхъ развивали неумѣренное самомиѣне и гордость.

Дурныя стороны кiev-могилянської педагогії, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія начала юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе вишней порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало все школьныя отношенія сверху до низу. Ректоръ, префектъ, профессора, преподаватели, тайные и явные визитаторы, цензоры, инспекторы, аудиторы, школьный senatus и populus—чрезвычайно длинная вереница начальствующихъ и подчиненныхъ, весьма сложная организація началъ зависимости и повиновенія. Все приемы кiev-могилянської педагогії какъ будто были рассчитаны на то, чтобы вытравить въ учащихся чувство дружбы, товарищества и любви. Ученики, соперничая другъ съ другомъ, писали сочиненія de loco, de pane, de calceis, de candela, de indusio, и написавшій лучшее сочиненіе садился, съ вѣдома и при содѣйствіи начальства, впереди своего побѣжденнаго товарища, отнималъ у него булку или получалъ право завладѣть его свѣчей. Какъ въ іезуитскихъ школахъ, такъ и въ кiev-могилянской академіи въ высшей степени было развито шпіонство. Учителя слѣдили за учениками, ученики другъ за другомъ, подглядывали, подслушивали, шептали въ уши начальства и выслуживались¹⁾.

Изъ сочиненій Галатовскаго видно, что онъ основательно усвоилъ коллегіумскую премудрость. Нужно допустить, что Галатовскій въ академіи слышалъ о многихъ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ. Для его живаго, любознательнаго ума на первое время достаточно бы однихъ именъ авторовъ, однихъ указаній на нихъ, чтобы впоследствии воспользоваться этими указаніями для самообразованія.

¹⁾ О внутренней жизни коллегіумскихъ учениковъ, времени занятій, развлеченій, наградахъ и наказаній, играхъ, широканъ см. въ статьѣ Липчевскаго въ «Трудахъ кievской духовной академіи», 1870, августъ.

Южно-русскіе ученые XVII ст.: Бронскій, Смотрицкій, Копыстенскій, Бараповичъ, Галатовскій, Радивиловскій, постоянно дѣлають указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисъ“ насчитывается 60 пособій автора, во „Өрниносъ“ 145, въ „Палинодін“ 142. Указанія на пособия находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр. Бараповичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей; другіе, напримѣръ Смотрицкій и Галатовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галатовскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кievскомъ ученomъ мiрѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели.

Почти на каждой страницѣ сочиненій Галатовскаго находятся ссылки на священное писаніе. Подобно другимъ схоластическимъ писателямъ XVII вѣка, Галатовскій часто беретъ не цѣлый библейскій текстъ, заключающій въ себѣ полную мысль, а отрывочныя мѣста, перѣдко даже отдѣльныя слова. Къ апокрифическимъ разсказамъ Галатовскій относится съ полнымъ довѣріемъ и охотно ими пользуется.

Галатовскому были извѣстны „De vita contemplativa“ Филона (I вѣка), сочиненія Іосифа Флавія († 93), Діонисія Ареопагита, Климента Александрійскаго и Иринея лiонскаго (II вѣка). Составляя сочиненіе о „Мессіи правдивомъ“, Галатовскій пользовался преимущественно сочиненіемъ христіанскаго писателя II в. Юстина: „Разговоръ съ Трифономъ“. Галатовскій дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ первой части „Разговора“, гдѣ говорится, почему христіане не исполняютъ Моисеева закона, и беретъ кое-что изъ второй и третьей частей, трактующихъ о воплощеніи, крестной смерти Спасителя и о томъ, что вѣрующіе во Христа, по пророчествамъ, наслаждаются обѣтованія Божіи.

Изъ духовныхъ писателей III—XI вѣковъ Галатовскому были извѣстны: Оригенъ († 254), сочиненіе священника Ипполита „De nativitate Christi“, которое въ старое время ученые, въ томъ числѣ Галатовскій, ошибочно приписывали Кипріану Коринтскому, „De fine saeculi“ мученика Меѳодія († 303), книги Тертуліана про-

тивъ Маркіона, изданныя въ 208 г., іерусалимскіе патріархи IV в. Кириллъ и Іоаннъ, Клавдіанъ, Лактанцій, блаженный Геронимъ, Епифаній Кипрскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій и Аѳанасій Александрійскій († 373). Аѳанасію Александрійскому Галатовскій, съ общаго голоса ученыхъ XVII вѣка, приписывалъ составленіе символа вѣры Quicumque, составленнаго въ V вѣкѣ Вигиліемъ Мансійскимъ¹⁾. Галатовскому были извѣстны сочиненія кесарійскаго епископа Евсевія Памфила († 340) и епископа Гипанскаго Августина († 403). Въ „Мессіи“ Галатовскій указываетъ на сочиненіе Августина „De saculo novo ad Catechumenos“, какъ на одинъ изъ главныхъ своихъ источниковъ. Въ другомъ мѣстѣ „Мессіи“ упоминается сочиненіе Августина о Рождествѣ, вѣроятно, „De genesi contra Manicheos, lib. 2“²⁾. Галатовскій въ „Мессіи“ кое-что заимствовалъ изъ сочиненія александрійскаго епископа Кирилла († 444) „о святой вѣрѣ христіанской“, именно, изъ 6 книги, (о крестномъ знаменіи) и изъ 8 и 9 (пророчества). Кроме того, Галатовскій пользовался сочиненіями церковнаго писателя V вѣка Юліана Померія (на него ссылки въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“), Созоменомъ († 450) и Θεодоритомъ († 457), продолжавшими церковную исторію Евсевія, сочиненіемъ Флавіана „Libellus fidei Theodosio imp. id petenti oblatum“, сочиненіемъ Іоанна Кассіана († 448) („Collationes Patrum“³⁾), „Adversus Eutychen et Nestorium de duabus naturis et una persona“ Боэція († 526), „De duabus Christi naturis“ папы Геласія († 596), „Poematum libri II praemissa ad Gregorium Turonensem epistola dedicatoria“ Фортуната († 600)⁴⁾, сочиненіями Григорія Двоеслова (конца VI вѣка), іерусалимскаго патріарха Софронія († 636) и Іоанна Златоустаго (рѣдкія ссылки). Почти во всѣхъ сочиненіяхъ Галатовскаго встрѣчается „Лимонарь“ Іоанна Мосха (VII вѣка). Въ „Мессіи“, „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчается знаменитый авторъ „Historiae sive annalium Francorum“ Григорій Турскій († 595). Галатовскій ссылается на его трактатъ „De gloria Martyrum, lib. 2“. Въ „Мессіи“ находится ссылка на первую часть

¹⁾ Фларетъ, Истор. уч. объ отцахъ церкви §§ 112—117; Арсенин, лѣтоп. церк. соб. 135—159.

²⁾ Caue, Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria. I. 175—183.

³⁾ Caue, I. 410.

⁴⁾ Caue, I 530, 497. Фларетъ, § 191.

„Ad Monimum“ Фульгенція († 593), гдѣ говорится о предназначеніи людей, однихъ на вѣчную славу, другихъ на муку вѣчную. Галатовскій пользовался сочиненіями Іоанна Дамаскина († 777), Павла діакона († 767), „Исторіей“ Никифора († 818), обозрѣвающей событія со смерти Маврикія до Константина, сына Ирины, сочиненіями Люидпрада и Свида (конца X вѣка). По Теофилакту болгарскому (конца XI вѣка) Галатовскій объяснял классическія мѣста Евангелія, касающіяся святаго апостола Петра. Особеннымъ вниманіемъ Галатовскаго, какъ и многихъ другихъ южно-русскихъ писателей, Смотрицкаго, Барановича, пользовался писатель первой половины X вѣка Симеонъ Метафрастъ. Ему приписываютъ 539 житій, изъ которыхъ только 122 составлены имъ, а остальные 417 лишь обработаны.

Галатовскому были извѣстны сочиненія многихъ западно-европейскихъ схоластическихъ писателей XII—XV в.: „Dialogus adversus Iudeos“ испанскаго писателя XII в. Петра Альфонса, сочиненія Петра Клонійскаго, Граціана, Ансельма Кентерберійскаго (XII в.), Альберта Великаго († 1280 г.). Попадаетъ изрѣдка въ сочиненія Галатовскаго doctor angelicus et divinus Тома Аквинскій (р. 1224 г., † 1274 г.) и doctor subtilis Іоаннъ Дунсъ-Скотъ (конца XIII ст.)¹⁾. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ нѣсколько разъ упоминается „Зерцалю исторіи“ Викентія. Это Vincentius Bello vacensis Burgundus, болѣе извѣстный подъ именемъ Винкентія изъ Бове († 1264 г.), авторъ „Speculum quadruplex historicum“, гдѣ находится историческій обзоръ событій отъ сотворенія міра до 1254 г.²⁾ Въ „Мессіи“, „Фундаментахъ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ Галатовскій пользуется сочиненіями Тома Брукселемскаго или Кантинрата († 1263 г.), не смотря на то, что самъ-же въ „Фундаментахъ“ (стр. 66) указалъ на многія ошибочныя показанія Кантинрата о православіи. Однимъ изъ главныхъ источниковъ Галатовскаго при составленіи „Мессіи правдиваго“ были противоеврейскія сочиненія еврея выкреста Николая де Лиры или Лирануса († 1340 г.): „Disputatio contra perfidium Iudaeorum“ и „Tractatus contra Iudaeum quendam“³⁾.

¹⁾ Филаретъ, § 259, 267, 294; Caue, I. 595, 493, 502; II. 297.

²⁾ Rousselot, Études de la philosophie dans le moyen âge II. 177; Caue, II. 299.

³⁾ Caue, II. 309, 22—23.

Изъ писателей XIV—XV ст. Галатовскому были извѣстны: константинопольскій патріархъ Каллистъ, Эппій Сильвій Пикколомини († 1464 г.) и венгерскій хроникеръ Бонфинъ († 1502 г.)⁴⁾.

Особенно большую почитанность обнаружилъ Галатовскій въ европейской богословской и исторической литературѣ XVI и XVII ст. Ему были извѣстны „Хроника баварскихъ герцоговъ“ нѣмецкаго богослова, историка и естествовѣда Тритемія († 1516 г.), историческія сочиненія нѣмецкаго писателя Альберта Кранція († 1517 г. Кранцій упоминается и во „Өриносѣ“ Смотрицкаго), „De veritate fidei christianae“ испанскаго писателя Іоанна Людовика Вивеса († 1537 г.)⁵⁾, сочиненіе Павла Іовія († 1552 г.) о посольствѣ въ Москву, составленное по разсказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова⁶⁾, сочиненія чешскаго писателя Дубровія († 1553 г.), сочиненія знаменитаго въ XVI ст. нѣмецкаго историка, оффиціального протестантскаго историографа Яна Слейдана⁷⁾; сочиненіе французскаго ученаго XVI в. Жана Бодэна въ защиту вѣры въ существованіе демоновъ и вѣдьмъ⁸⁾, превосходное сочиненіе Вейера, или Писцинаріуса „De praestigis daemonum“ 1563 г., гдѣ опровергается вѣрованіе въ демоновъ и вѣдьмъ⁹⁾, „Исторія мусульманъ“ нѣмецкаго гуманиста Леонклавіуса (Löwenklau, † 1593 г.), сочиненіе іезуита Турселлина († 1609 г.) „Historiarum a condito mundo lib. X“, которое въ голландскихъ университетахъ было принято, какъ учебникъ по исторіи¹⁰⁾, сочиненія Корнелія и Ляпиде, о которыхъ Теофанъ Прокоповичъ отзывался очень неблагоклонно¹¹⁾. Въ „Ключѣ“ и „Небѣ“ встрѣчаются ссылки на сочиненіе Сигопія „о влосскомъ королевствѣ“. Въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ былъ

¹⁾ Rieger, Słownik nauczny; Caue, II 176.

²⁾ Caue, II 242, 237; Rieger, Słown. nauczny.

³⁾ Вестужевъ-Рюпинъ, Русск. Исторіи. I. 181.

⁴⁾ Rieger, Słown. nauczny. Главное сочиненіе Слейдана о положеніи религіи и государства при Карлѣ V издавалось 80 разъ; сочиненіе о 4 главныхъ имперіяхъ издавалось 60 разъ.

⁵⁾ Soldan, Geschichte d. Hexen processe. 261.

⁶⁾ Объ этомъ соч. см. въ моей брошурѣ «Очеркъ исторіи колдовства въ зап. Европѣ».

⁷⁾ Rieger, Słown. nauczny. IV.

⁸⁾ Магъевичъ, «Труды кiev. дух. акад.» 1871 г. IV. 210.

переводчикъ аристотелевой риторики Сигоній. Современники приписывали ему сочиненіе „De Senatu romano“, написанное Яномъ Замоискимъ¹⁾. Вѣроятно, и Галатовскій по ошибкѣ сочиненіе Замоискаго приписалъ Сигонію. Въ „Ключѣ“, „Лебедѣ“ и „Алфавитѣ“ довольно часто встрѣчаются ссылки на итальянскаго писателя конца XVI ст. Яна Ботера, котораго сочиненіе въ польскомъ переводѣ Ленцицкаго 1609 г. носитъ названіе „Relatiae powszechnie abo powinu rospolite“. Тутъ говорится 1) о космографіи, 2) гидрографіи, 3) монархологіи, 4) религіозныхъ сектахъ и 5) американскихъ суевѣріяхъ²⁾. Кромѣ Галатовскаго, Ботеромъ пользовался еще Захарія Копыстенскій при составленіи „Палиподіи“³⁾. Беллярминъ рѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ Галатовскаго; за то Бароній встрѣчается чуть не на каждомъ шагѣ. Послѣ книгъ св. Писанія, „Анналы“ Баронія у Галатовскаго занимаютъ первое мѣсто. Въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества Галатовскій называетъ Баронія достовѣрнѣйшимъ историкомъ. „Я, говоритъ Галатовскій въ началѣ „Мессіи“, въ латинскаго Бароніуса зупелного писалемъ, а въ польскомъ Бароніунѣ не зупелномъ не все тое знайдешъ“. Кромѣ Галатовскаго, на Баронія часто ссылаются Зах. Копыстенскій въ „Палиподіи“⁴⁾, Евсевій Пиминъ (Петръ Могила) въ „Листоосѣ“⁵⁾, Симеонъ Полоцкій въ „Жезлѣ Правленія“, Стефанъ Яворскій въ проповѣдяхъ. Въ московскомъ публичномъ музеѣ находится два рукописныхъ экземпляра Бароніевыхъ лѣтописей въ польскомъ сокращеніи Скарги. Русскій переводъ относится къ концу XVII в.⁶⁾. Въ синодальной бібліотекѣ подѣ № 729 находится „Бароніуша наука“, переводъ съ малорусскаго языка⁷⁾. Въ 1719 г. „Анналы“ Баронія были переведены съ польскаго языка на русскій, съ пропускомъ противныхъ восточной церкви толкованій, и напечатаны въ московской синодальной типографіи въ 2 частяхъ церковнымъ

¹⁾ Wiszniewski, Histor. literat. IV. 168, 143.

²⁾ Maciejowski, Piśmen. polskie. III. 72; Wiszniewski, Hist. literat. VII, 561.

³⁾ Русск. Историч. Библіот. IV.

⁴⁾ Тамъ-же, 327.

⁵⁾ Liście, abo kamien. 1610 г. стр. 3 и 4.

⁶⁾ Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. музея.

⁷⁾ Савва, Указатель. 160.

прифтомъ, подѣ заглавіемъ „Дѣянія церковныя и гражданскія“. „Анналы“ Баронія вышли въ 12 томахъ въ Римѣ въ 1588—1607 годахъ и имѣли много изданій. Въ 1646 г. онѣ были продолжены Одораціемъ Райнольдн. Продолженіе это было извѣстно Галатовскому.

Галатовскій обпаружилъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. Такъ, у него встрѣчаются ссылки на Длугоша († 1480 г.), Матвѣя Мѣховита († 1523 г.), Гваньини († 1614 г.), Кромера († 1589 г.), автора тридцатитомной, панегирической исторіи польскаго народа¹⁾, затѣмъ на „Всемирную исторію“ Мартина Бѣльскаго († 1575 г.). Изъ польскихъ историковъ Стрыйковскій въ особенности часто встрѣчается у Галатовскаго. Ссылки на „Kronika polska“ (1582 г.) Стрыйковскаго встрѣчаются во всѣхъ сочиненіяхъ Галатовскаго. При составленіи „Хроники“ Стрыйковскій пользовался Длугошемъ, Мѣховитомъ, Кромеромъ, Бѣльскимъ, русскими и ливонскими лѣтописями и даже сербскими народными пѣснями²⁾. Крупные польскіе проповѣдники конца XVI ст., Петръ Скарга и Яковъ Вуекъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Janua linguarum“ (1631 г.), переведеннаго на 12 европейскихъ и 4 восточныхъ языка, Комменій, переводчикъ Аристотеля Себастьянъ Петрицій († 1626 г.), біографъ М. Смотрицкаго и Г. Кунцевича Суша († 1685 г.), польскій богословъ, профессоръ краковской академіи Адамъ Опатовичъ (XVII в.)³⁾ были извѣстны Галатовскому. На Скаргу и Вуйка ссылаются нѣкоторые другіе южно-русскіе писатели, напр. Зах. Копыстенскій въ „Палиподіи“⁴⁾. Въ „Лебедѣ“ и „Небѣ“ упоминается нѣкогда весьма популярное въ Польшѣ и западной Россіи „Путешествіе въ св. землю“ (1582 г.) Николая Радзивилла⁵⁾. Въ „Мессіи“ Галатовскій ссылается на сочиненіе „О жидкахъ“ Симона Сиренія. Сиренскій (Simon Sirenus Sacranus), докторъ философіи и медицины въ кра-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Руск. ист. I. 184; Wiszniewski, Hist. liter. VII. 385—404; IX, 11, 168, 274; Кондратовичъ, Ист. польск. литер. II. 164.

²⁾ Wiszniewski, VI. 469—492; Maciejowski, I. 556—573.

³⁾ Wiszniewski, VI. 423, 489, 598; VII. 153, 165. IX. 53, 54, 180, 208, 241, 303; VII. 452; VIII. 348; VI. 302.

⁴⁾ Русск. Истор. библ. IV. 327.

⁵⁾ Maciejowski, Pism. polskie III. 497; Wiszniewski, VII. 566.

ковскомъ университетѣ, оставилъ сочиненіе „Zielnik, to jest opisanie własne imion, kształtu y mocy zioł, wszelakich drzew, krzewin... Przytem o ziemiach y glinkach różnych, o zwierzętach czworonogich, ptastwie, rybach (напечатано въ 1618 г. послѣ смерти Сиренія, † 1611 г.). На 1536—1540 страницахъ „Зельника“ находится собраніе свѣдѣній о евреяхъ¹⁾. Въ ряду многихъ сочиненій о евреяхъ, которыми пользовался Галатовскій при составленіи „Messin“, заслуживаетъ вниманія „Rozmowa theologa katolickiego z rabinem żydowskim“ (напечатано во Львовѣ 1645 г.) западно-рускаго писателя первой половины XVII ст. Марка Короны. Цѣль „Розмовы“ та-же, что и цѣль „Messin“, обращеніе еврея къ надлежащему пониманію христіанской религіи. Что Галатовскій пользовался не только католическими, но и еретическими сочиненіями, выходившими въ Польнѣ, видно изъ ссылки его въ „Алфавитѣ“ на сочиненіе знаменитаго соцініанскаго писателя Смальція; „De filio Dei“, подъ которымъ, нужно думать, Галатовскій разумѣлъ „De Christo vero et naturali Dei filio“ 1616 г. Смальцій жилъ въ Раковѣ и написалъ 29 сочиненій. Писалъ онъ по нѣмецки и по латыни. Въ Англій при Кромвелѣ его катехизисъ былъ сожженъ рукой палача²⁾. Галатовскій зналъ о еретичествѣ Смальція. Въ „Алфавитѣ“ въ числѣ еретиковъ находится и Смальцій.

Въ сочиненіяхъ Галатовскаго встрѣчаются ссылки на римскихъ писателей, именно: на Овидія, Виргилія, Плинія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція, Валерія Флакка, Флора и Евтропія.

Изъ русскихъ сочиненій у Галатовскаго упоминаются: Патерикъ печерскій, словено-россійскій лексиконъ Памвы Беринды, Синописисъ Ин. Гизеля и описанія разныхъ чудотворныхъ иконъ.

Въ сочиненіяхъ Галатовскаго можно насчитать до сорока совершенно неизвѣстныхъ писателей. Встрѣчаются ссылки на сочиненія какихъ-то раввиновъ Моисея, Самуила; встрѣчаются на поляхъ имена Корозеля, Кардапія, Альтенстанга, Маіолуса, Іоанна Мѣрина (вѣроятно Іоаннъ Маро конца VI вѣка), Таксія, Липа, Тиріуса, Брадена и друг.

¹⁾ Grabowski, Starożytności. I. 403—413.

²⁾ Maciejowski, III. 815, 816.

³⁾ Maciejowski, ibid. 508.

Можно вполне повѣрить Галатовскому, замѣтившему въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что онъ съ большимъ стараніемъ собиралъ книги по городамъ и монастырямъ. Лазарь Барановичъ, относительно добыванія книгъ, поставленъ былъ въ очень выгодное положеніе, какъ черниговскій архіепископъ и мѣстоблюститель кievской митрополи и, однако, онъ жаловался на недостатокъ книгъ¹⁾. Сравнительно съ Галатовскимъ, Барановичъ обнаружилъ весьма незначительное знакомство съ западною схоластическою литературою. Масса прочитанныхъ книгъ свидѣтельствуетъ о любознательности Галатовскаго, о его научномъ усердіи. Такъ какъ большая часть сочиненій Галатовскаго вышла въ Черниговѣ и Новгородѣ-сѣверскомъ (въ типографіи Барановича), гдѣ не было богатыхъ книгохранилищъ, то нужно допустить, что Галатовскій и въ концѣ своей жизни, во время пребыванія въ Черниговщинѣ, сохранялъ тѣсныя научныя связи съ кievскою академіею и пользовался ея бібліотекою. Несомнѣнно, онъ пользовался также бібліотеками крупныхъ западно-русскихъ братствъ: виленскаго, луцкаго, слуцкаго, о чемъ самъ михоходомъ упоминаетъ въ „Старомъ Костелѣ“. Въ этомъ сочиненіи Галатовскій заявляетъ, что свои доводы объ исхожденіи святаго Духа исключительно отъ Отца онъ извлекъ изъ разныхъ книгъ, отысканныхъ имъ въ бібліотекахъ „Кіева, Чернигова, Львова, Луцка, Слуцка и другихъ городовъ“. Галатовскій замѣчаетъ, что приводимые имъ доводы списаны съ книгъ разными писцами и просятъ у читателя извиненія въ ошибкахъ въ обозначеніи тома или страницы пособия, ошибкахъ, происшедшихъ отъ переписчиковъ. Это заявленіе Галатовскаго интересно въ двухъ отношеніяхъ. Оно показываетъ, гдѣ находились кладези книжной мудрости южно-русскихъ писателей, и затѣмъ уясняетъ, какъ пользовались южно-русскіе ученые этими кладезями мудрости. Не трудно догадаться, что рѣчь идетъ о братскихъ книгохранилищахъ, и что этими книгохранилищами любознательные люди пользовались не только лично, но и черезъ переписчиковъ, которыми могли быть грамотные православные братчики.

Нельзя сказать, чтобы Галатовскій дѣльно и толково воспользовался прочитанными имъ книгами. Чтеніе было небрежное; кри-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, § 97.

типи у Галятовскаго не было. Писатели діаметрально противоположнаго направленія, напримѣръ Бодэнъ и Вейеръ, укладывались въ его головѣ спокойно, не споря другъ съ другомъ. Они не возбуждали въ Галятовскомъ какихъ либо спорныхъ религіозныхъ или общественныхъ вопросовъ. Кіевская коллегія приучала учениковъ поклоняться авторитетамъ, безусловно вѣрить имъ; духъ критики и анализа всецѣло былъ подавленъ духовной субординаціей. Любопытнѣйшіе южно-русскіе ученые XVII вѣка постоянно учились усердно и вѣчно оставались учениками. Они говорили на профессорскихъ кафедрахъ, издавали въ свѣтъ сочиненія, и все in verba magistri. Съ теченіемъ времени они накопили знанія. Знанія нарастали механическимъ путемъ, прилѣпляясь одно къ другому посредствомъ случайной, вишней связи. Галятовскій былъ самый начитанный человекъ своего времени, и, однако, область его свѣдѣній была незначительна, кругозоръ узокъ. Дѣло въ томъ, что Галятовскій читалъ книги съ предвзятой цѣлью, выбиралъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, напр. объ исхожденіи святаго Духа, или о главенствѣ римскаго папы. Мысль писателя вращалась въ рѣзко очерченной и ограниченной области религіозныхъ вопросовъ. Южно-русскіе писатели второй половины XVII столѣтія боялись и не желали выступать за предѣлы этихъ вопросовъ. Религіозные вопросы были потому въ особенности узки, что разсматривались отвлеченно, безъ отношенія къ живой народной массѣ. Схоластическому богослову не было никакого дѣла, какъ живое народное тѣло воспринимаетъ духовныя начала христіанскаго вѣроученія, какъ народъ относится къ этому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что вносить и вносить въ него изъ своей духовной жизни. У южно-русскихъ ученыхъ, разсматривавшихъ религіозные вопросы an und für sich, и даже у Галятовскаго, при всей его начитанности, было мало узловъ знаній. Отсюда постоянныя повторенія, постоянныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ-же избитымъ предметамъ рѣчи.

Высшая школа имѣетъ важное значеніе въ жизни человека, получившаго въ ней образованіе, не только потому, что даетъ ему знанія, такъ сказать, закладываетъ фундаментъ прочныхъ свѣдѣній и опредѣленныхъ воззрѣній на жизнь,—она вліяетъ на нравственный складъ человека черезъ свѣтлыя и просвѣщенныя личности

наставниковъ. Кромѣ того, между самими учениками возникаютъ товарищескія отношенія и связи, имѣющія большое значеніе въ исторіи ихъ духовнаго развитія, опредѣляющія ихъ общественныя симпатіи и антипатіи, придающія иногда на всю жизнь извѣстную окраску ихъ мнѣніямъ, сужденіямъ, вишнимъ формамъ отношенія къ людямъ.

Галятовскій въ кіевской академіи познакомился съ Барановичемъ, Гизелемъ и Пинацкимъ¹⁾. Отношенія Галятовскаго къ Симеону Полоцкому мало извѣстны, и трудно допустить, чтобы отношенія эти были близки. Симеону Полоцкому пришлось дѣйствовать совершенно въ другой обстановкѣ и при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ условія и обстановка, среди которыхъ работалъ Галятовскій. Но и въ Москвѣ, въ положеніи наставника царевичей Симеонъ Полоцкій сохранялъ связи съ друзьями своей молодости, преимущественно съ Барановичемъ. Другое дѣло Барановичъ и Гизель. Въ продолженіи всей жизни Галятовскаго, эти люди были его друзьями, въ особенности Барановичъ. Безъ ошибки можно сказать, что Барановичъ создалъ всю служебную карьеру Галятовскаго, такъ сказать, вывелъ его въ люди. Покровительство Барановича частью простекало изъ его добраго нрава, изъ желанія дать ходъ своему скромному и талантливому ученику, преимущественно изъ пракческаго расчета, изъ желанія имѣть подъ рукой способнаго и дѣятельнаго помощника, помощника мягкаго, покладистаго, усерднаго, услужливаго и скромнаго. Всѣми этими качествами Галятовскій вполне обладалъ. Лазарь Барановичъ первоначально былъ наставникомъ Галятовскаго, впоследствии его другомъ и покровителемъ. Окончивъ курсъ въ академіи, Галятовскій отправился на Волынь и принялъ здѣсь монашество. Въ смутное военное время онъ оставилъ Волынь и переѣхалъ въ купятицкій монастырь, находящійся недалеко отъ Минска. Игуменомъ купятицкаго монастыря былъ Барановичъ. Онъ ласково, какъ любящій отецъ, принялъ Галятовскаго. Получивъ мѣсто ректора кіевской академіи, Барановичъ и Галятовскаго перевелъ въ Кіевъ преподавателемъ въ академію. Въ 1657 году Барановичъ былъ назначенъ черниговскимъ архіепи-

¹⁾ Описание рукописей Синодальной бібліотеки. II, 3, 509; Письма Лазаря Барановича, 51—83.

скопомъ. Онъ уѣхалъ въ свою епархію, предварительно выхлопавъ Галятовскому мѣсто ректора академіи. Нѣкоторые свѣтскія лица, ревнители просвѣщенія, въ особенности кievскій полковникъ Василій Ѳеодоровичъ Дворецкій, содѣйствовали Галятовскому въ полученіи ректорства. Запимая почетное мѣсто ректора академіи, Галятовскій вошелъ въ сношенія съ современными ему высшими духовными и свѣтскими лицами, съ кievскимъ митрополитомъ, малорусскимъ гетманомъ, московскимъ царемъ. Для его дѣятельности и вліянія открылось довольно широкое поприще. Дѣятельность Галятовскаго прежде всего обратилась на устройство коллегіи, пострадавшей въ 1658 года отъ пожара. Галятовскій обратился къ царю Алексію Михайловичу съ просьбой о помощи. Въ шестидесятихъ годахъ возникаетъ связь Галятовскаго съ московскимъ правительствомъ, утвердившаяся въ началѣ 70-хъ годовъ черезъ поѣздку Галятовскаго въ Москву.

Сношенія малорусскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ съ 1654 г. потеряли временный, случайный характеръ. Кievская митрополія весьма неохотно подчинилась Москвѣ. Московскимъ боярамъ стоило много труда уломать Сильвестра Коссова прислать къ присягѣ своихъ слугъ. Еще болѣе хлопотъ вышло у бояръ, по случаю возведенія крѣпости на горѣ около софійскаго собора, михайловскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви. Мѣстность эта принадлежала митрополиту, и Коссовъ въ гнѣвѣ заявилъ московскимъ воеводамъ: „Если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться“. Мало того, митрополитъ сказалъ: „Гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подъ его великаго государя высокою рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подъ чьєю властью“).⁴⁾ Не смотря на очевидную поддержку со стороны Богдана Хмельницкаго, Коссовъ долженъ былъ уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно устраненія и уничтоженія южно-русскихъ краевыхъ отличій, особенно церковныхъ. Слуги митрополита были приведены

къ присягѣ. Церковныя земли были отобраны подъ крѣпость, съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія въ другоиъ мѣстѣ. Представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха.

Въ 60-хъ годахъ кievское духовенство еще сдѣлало одну попытку отстоять свои краевыя преимущества и привилегіи. Брюховецкій предложилъ московскому правительству назначить въ Кievъ митрополитомъ великороса. Извѣстіе объ этомъ предложеніи боярина-гетмана сильно взволновало малорусское духовенство. Въ 1666 году епископъ Меѳодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кievѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита. „Если будетъ на то великаго государя изволеніе, смѣло говорилъ епископъ Меѳодій, чтобы отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кievъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги паволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кievѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляху и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кievѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы“).⁵⁾

Въ оборонительномъ положеніи находилось не все малорусское духовенство, а лишь часть его. Нѣкоторые іерархи, наприхѣръ, Лазарь Барановичъ, всегда склонялись на сторону Москвы. Малорусское духовенство изъ положенія оборонительнаго быстро перешло въ положеніе смиреннаго просителя, заискивающаго милостей и подачекъ. Къ этому положенію привело много обстоятельствъ, главнымъ образомъ сознаніе собственнаго безсилія передъ систематической московской политикой полнаго подчиненія Украины и

⁴⁾ Карповъ, Кievскій митрополитъ и моск. правит. въ 1654. «Православное Обзоріе». 1871. Авг.—сент.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. XI 210.

воспитанное кievской академіей ласкательство и сервилізмъ. Наиболѣе дальновидные и сообразительные украинскіе іерархи поняли, съ какой стороны подулъ вѣтеръ, и не пытались плыть противъ общаго теченія, упосившаго Украину подъ попечительство и надзоръ могущественной Москвы. Барановичъ, несомнѣнно обладавшій политическимъ умомъ и принимавшій близко къ сердцу интересы южно-русскаго народа, сдѣлалъ попытку выпросить у царя хотя что-нибудь изъ того, чего нельзя было отстоять ссылками на мѣстное обычное право. Попытка не была и не могла быть удачной, Барановичъ получалъ лишь щедрые дары. Дари эти имѣли характеръ временнаго награжденія, или жалованья. Галатовскій, какъ ученикъ и послѣдователь Барановича, слѣдовалъ его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ московскому правительству. Онъ только просилъ и просилъ, никогда и ни въ чемъ не прекословилъ, и его просьбы большей частью были принимаемы и удовлетворяемы.

Въ 1659 году декабря 31 дня дана была на имя игумена братскаго монастыря и ректора кievскихъ школъ Іоаннікія Галатовскаго царская жалованная грамота на монастырскія и академическія маестности¹⁾. Воспользовавшись пособіемъ со стороны московскаго правительства и со стороны кievскихъ обывателей, ревнителей благочестія, Галатовскій построилъ новыя монастырскія и училищныя зданія. Онъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи и улучшеніи вѣренннхъ ему учрежденій, открылъ классы до риторики и самъ въ нихъ преподавалъ. При немъ въ 1662 году внесена была въ новую академическую церковь чудотворная икона Богоматери, извѣстная подъ названіемъ братской.

Заботы и хлопоты по устройству братскаго монастыря и академіи не помѣшали Галатовскому выступить на литературное поприще.

Іоаннъ Вишенскій въ посланіи своемъ къ князю Константину Константиновичу Острожскому и ко всемъ православнымъ совѣтуетъ духовенству, по окончаніи литургіи, то, что читалось во время литургіи изъ Апостола и Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, объяснять народу простымъ, русскимъ языкомъ. Трудно сказать, насколько обычны были въ Малороссіи въ началѣ XVII ст. подобнаго рода толкованія смысла и значенія отдѣльных мѣстъ

¹⁾ Памятники, изданіе временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. 1846. II. 223—226.

евангелія. Врядъ-ли эти толкованія были часты и повсемѣстны. Высшее духовенство жило слишкомъ роскошно и эгоистично, слишкомъ аристократично, чтобы заботиться о нравственномъ преуспѣянніи простаго народа. Низшее духовенство было слишкомъ невѣжественно, чтобы пускаться въ толкованія и объясненія евангелія. Князь Константинъ Острожскій въ посланіи къ Платію Потяю 1593 г. жаловался на „грублянство“ пресвитеровъ. „А не отъ чего иного размножилось межѣ людьми такое лѣннвство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, писалъ онъ, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя, устали проповѣдаци слова Божого, устали казанья... Для цвиченія духовнымъ пыльно потреба, же быхмо имѣли ученые пресвитеры, казподѣи добрые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грублянство въ нашихъ духовныхъ умножилось“¹⁾.

Въ началѣ XVII ст. въ Малороссіи начало быстро развиваться проповѣдничество, въ силу необходимости ученой и литературной борьбы съ латинно-уніатами. Южно-русская проповѣдь развивалась подъ прямымъ вліяніемъ западно-европейской и польской латинской проповѣди, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ „Экзегезисѣ“ (1629 г.) Мелетія Смотрицкаго. „Цѣлуй Бессія, говоритъ онъ, обращаясь къ православному проповѣднику, который научаетъ тебя произносить съ каедрѣ. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каедрѣ съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей,—вы православные! У васъ все хвастовство, а не дѣло; въ цѣлой русской землѣ, такой обширной, не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи... Школы—это житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и селенія мудрыми людьми, знающими дьяками, ловкими духовниками, учеными проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ будто безъ души; а этого добра по всей вашей странѣ Господь Богъ не соизволяетъ... Говорите: о, проклятая, проклятая унія! А давно-ли говорили: о, проклятая проповѣдь! о, проклятое искусное пѣніе! Однако потомъ, когда все это переняли, то считаете добромъ“¹⁾.

¹⁾ Акты Запад. Россіи. IV. 65.

Въ XVII ст. польская проповѣдническая литература была обширна. Мацѣевскій насчитываетъ 122 проповѣдника, изъ которыхъ только двое было талантливыхъ и оригинальныхъ по языку и содержанию проповѣдей, Скарга и Бирковскій. Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст. были: многословіе, пустословіе, заимствованія изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравненія и сближенія, напримѣръ сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ, вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки¹⁾.

Вышняя форма проповѣди, ея составъ, типъ проповѣдника въ Малороссіи выработались въ десятихъ годахъ XVII ст. На проповѣдяхъ Леонтія Карповича († 1620) и Захаріи Копыстенскаго († 1627) уже лежитъ печать польскихъ схоластическихъ проповѣдей. Галятовскій въ половинѣ XVII ст. окончательно установилъ и укрѣпилъ схоластическую проповѣдь въ Малороссіи своимъ „Ключемъ Разумѣнія“. Приложенная къ „Ключу“ „Наука albo способъ зложеня казаня“ представляетъ первый въ Россіи учебникъ гомилетики, по которому въ теченіи многихъ десятилѣтій духовныя лица учились искусству слагать проповѣди.

„Ключъ разумѣнія“ имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ“ сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается опъ иногда и въ сельскихъ церквахъ²⁾. Въ „Ключѣ“ 1659 и 1660 г. (киевск. изд.) находятся: а) предмова до священниковъ, законныхъ и свѣтскихъ (монашествующихъ и бѣлыхъ), б) „казаня“ на разные праздничные дни, в) „казаня приданыя“—14 поученій, г) „наука albo способъ зложеня казаня“ и д) „чуда пречистыя Богородицы нѣкоторыя зъ разныхъ авторовъ зобранныя“. Во львовскомъ изданіи 1665 г. въ началѣ книги прибавлена почитательная предмова львовскому епископу Арсевию Желиборскому.

Почти все сочиненія Галятовскаго посвящены сильнымъ міра: „Мессія“ царю Алексею Михайловичу, „Боги поганскіе“ царевнѣ Софьѣ, „Лебедь“ и „Алфавитъ“ гетману Самойловичу, „Софія“ кіевскому митрополиту Гедеону Четвергинскому, „Старый костелъ“

¹⁾ Maciejowski, Pism. polskie, II. 550, 554—556.

²⁾ Филаретъ, Историко-стат. опис. харьк. епархіи. II, 312; III, 248; IV, 231.

архіепископу Лазарю Барановичу, „Ключъ“ епископу Желиборскому. Обыкновеніе посвящать книги знатымъ лицамъ и расхваливать ихъ гербы было весьма распространено въ Польшѣ; оно удовлетворяло господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать старожитностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербового панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Они цѣлны полтора ста лѣтъ „наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ папами и ихъ клейнодами ошмама“. Стихотворное прославленіе гербовъ въ Польшѣ было частичнымъ проявленіемъ всеобщаго виршеплетства. Въ Польшѣ въ XVII ст. все, отъ короля до мѣщанина, писали стихи³⁾. Крупная литовско-русская аристократія получила клейноды въ XV ст.; мелкое дворянство въ 1569 г., по люблинской уніи⁴⁾. Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ. Они усердно хвалили пановъ, но только пановъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кіевскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи. Панегирическое виршеплетство доставляло православному писателямъ извѣстныя практическія выгоды: покровительство со стороны сильныхъ пановъ, денежныя награды, маестности.

Петръ Могила старательно поддерживалъ гербовый панегиризмъ. Такъ, въ Евангелии, изданномъ въ 1636 г. и посвященномъ Федору Проскурѣ-Суцанскому, Петръ Могила увѣрялъ, что гербъ данъ Суцанскому при князѣ Святославѣ Ярославичѣ въ 1059 г. Прозваніе Проскура Петръ Могила объяснялъ тѣмъ, что нѣкогда Суцанскій съѣлъ просфору, которую ему велѣла отнести въ дворець изъ церкви греческая царевна Анна, вышедшая замужъ за Владиміра I. Въ „Мовѣ духовной“ Петра Могилы находится изображеніе герба Радзивилловъ и стихи въ честь этого герба⁵⁾. Самъ себя Петръ Могила производилъ отъ Муціи Сцеволы. Воспитанники коллегіи усердно прославляли сложный гербъ Могилы, напр., въ „Мнемозинѣ“ 1633 г. Со времени Петра Могилы въ южно-русской литературѣ твердо установилось прославленіе панскихъ гербовъ, даже въ чисто церковныхъ книгахъ. Такъ въ Апостолѣ 1654 г.

¹⁾ Kubala, Szkice historyczne. Lwow. 1880. II. 310.

²⁾ Голубевъ, Опис. и исток. двор. гербовъ. (Тр. кiev. д. ак. 1872 г.).

³⁾ Пекарскій, Кіевск. ученне (Огеч. Зап. 1862. II. 580, 592).

и въ „Триоди постной“ 1664 г. находятся вирши на гербъ Желиборскихъ¹⁾. Типичнымъ виршицелстомъ-панегиристомъ во второй половинѣ XVII в. былъ Лазарь Барановичъ. Всѣ свои сочиненія онъ посвятилъ московскимъ царямъ и царевницамъ, съ обширнымъ восхваленіемъ царскаго герба. Въ 1671 г. онъ издалъ курьезную „Лютню Аполлинову“, объемистую книжку (въ 542 страниц.), состоящую исключительно изъ виршей. Тутъ есть вирши во славу Иисуса Христа, Богоматери, ангеловъ, святыхъ, отцовъ церкви, добродѣтелей, солища, мѣсяца, звѣздъ, молитвы, вирши о звѣряхъ, плодахъ древесныхъ, порокахъ, болѣзняхъ, славѣ, наукѣ, трудѣ и т. д. Всѣ эти вирши—сплошное пустословіе, что видно уже изъ однихъ заглавій, напримѣръ:

Nad wszystkie wodki
Jezus jest słodki (стр. 55).

Bezpieczna ta noga,
Gdy biega do Boga (стр. 113).

Dobra ta noga
Co szuka Boga (стр. 118).

Idy noga do Boga (стр. 135)²⁾.

Галатовскій относительно гербоваго панегиризма шелъ въ рядъ съ современными ему писателями. Нужно отмѣтить ту особенность Галатовскаго, что онъ почти совсѣмъ не писалъ виршей.

„Наука о сложеніи казаній“ изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. „Науку“ Галатовскаго можно изложить въ короткихъ словахъ, по причинѣ ея достаточной извѣстности. Тема для казанья берется изъ святаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части 1), экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаимуетъ людямъ пропозицію свою, постановлене умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити“, 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казюдѣя объясняетъ то, что въ экзордіумѣ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюдія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно

¹⁾ Радоскій, Къ истор. слав.-рус. библиографіи. (Христ. Чтеніе 1881 г., июль—августъ).

²⁾ „Лютня Аполлинова“. Мы пользовались экземпля., находящимся въ библ. харьк. духов. семинаріи.

связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ нарраціи тема раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милости, постѣ, или о какомъ-нибудь порока, напр. пьянствѣ, завратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святаго, котораго празднуютъ, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галатовскій совѣтуетъ проповѣднику „обѣщати якую новую речь показати, которой они не видѣли и не чували“, или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святаго, напримѣръ имени св. Владимира, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокралось мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ. Относительно фактическаго содержанія Галатовскій не стѣсняетъ проповѣдника. Содержаніе, по его словамъ, можетъ быть взято изъ св. писанія, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, изъ сочиненій по исторіи и по естествовѣдѣнію, наконецъ, изъ „розматыхъ казюдѣевъ теперешняго вѣку“.

Въ добавленіе къ „Наука о сложеніи казаній“ Галатовскій присоединилъ наставленіе, какъ сочинять погребальныя рѣчи: взять тему изъ святаго писанія, въ экзордіумѣ сказать о неизвѣстности смерти, о краткости жизни человѣческой, въ нарраціи изложить о добродѣтеляхъ покойнаго, при благоприятномъ случаѣ указать на его родовитость и старожитность, объяснить его гербъ, объяснить иносказательно значеніе его имени или фамиліи (напр. Браницкій—боронилъ отчизну, Любомирскій—любилъ миръ и т. д.), принять во вниманіе лѣта, въ которыя скончался, мѣсто, гдѣ погребается, и, наконецъ, въ конклюдіи пригласить родственниковъ умершаго молитвами и милостиной содѣйствовать успокоенію его души.

„Конецъ чинячи тоєи моеи працы, говоритъ Галатовскій въ концѣ своей „Науки о сложеніи казаній“, даю тебѣ такую раду: читай книги и що хорошее вычитаешь, потуи себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? котораго часу? Если книги будешь читати и часто казаня повѣдати, до того если тыи

циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты зъ нихъ чинити, лаво въ недѣлю, и въ свято, и на погребѣ и на иныхъ оказіяхъ казане учинишь“.

Галятовскій въ „Наукъ“ отмѣтилъ двѣ такія стороны проповѣдничества, которыя имѣли мѣсто ранѣе, а ко времени появленія въ свѣтъ „Ключа разумѣнія“ считались уже устарѣвшими. „Можетъ часомъ, говоритъ Галятовскій, казане быти и безъ оемы“. „Если схочешь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можешь повѣдати казане любо въ недѣлю, любо въ свято, толкуючи евангеліе, которое читано было на службѣ Божіей“,—и въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: „але того стило казнодѣи теперешняго часу мало заживаютъ“.

„Наука зложена казаня“ сопровождается 46 проповѣдями: 32 основными и 14 дополнительными. Проповѣди составляютъ практическое выраженіе правилъ, изложенныхъ въ „Наукъ“, и служатъ нагляднымъ ихъ разъясненіемъ.

Натянутость и искусственность въ проповѣдяхъ Галятовскаго начинаются съ приступа, или экзордіума. На первыхъ-же порахъ Галятовскій старается поразить своихъ слушателей какой-нибудь неожиданностью. Поставленное въ началѣ казанья изреченіе изъ св. писанія подвергается самымъ произвольнымъ объясненіямъ. Слѣдуя примѣру схоластическихъ католическихъ проповѣдниковъ, Галятовскій постоянно отыскиваетъ въ св. писаніи что-нибудь замысловатое. „Всеі эти болтуны, которыхъ зовуть казнодѣями, говоритъ Ософанъ Прокоповичъ, равно какъ и толкователи крайне обезображиваютъ св. писаніе для того только, чтобы вывести изъ него самыя недѣльныя аллегоріи, даже изъ такихъ текстовъ, которые они въ другомъ случаѣ сами-же учатъ понимать просто и буквально. Во всякомъ текстѣ они усиленно находятъ 3 или 4 смысла“¹⁾. И Галятовскій сильно злоупотреблялъ „смыслами“ св. писанія. Въ первомъ казаньѣ на Воскресеніе Господне Галятовскій говоритъ, что въ св. писаніи есть четвероюкій смыслъ: literalный, моральный, аллегоричный и аналогичный, и ссылается при этомъ на Корнелія а Ляпиде и Беллармина. „Literalный сенсъ, по словамъ нашего проповѣдника, належитъ до исторіи самой; моральный належитъ до обычаевъ добрыхъ, которые повинна душа наша захо-

¹⁾ Мацѣевичъ, «Груды к. дух. ак.» 1871. IV. 214.

вати, и до злыхъ, которые душа повинна избѣгать; аллегоричный належитъ до церкви воюющей, которая находится на землѣ, а аналогичный—до церкви торжественной, находящейся на небѣ“. Признавая въ св. писаніи столько разнообразныхъ смысловъ, Галятовскій не затрудняется толковать отдѣльныя библейскія фразы и слова, какъ ему заблагоразсудится, подставляя лишь то тотъ, то другой смыслъ. Напримѣръ, слово Іерусалимъ въ literalномъ смыслѣ означаетъ извѣстный городъ, въ моральномъ—благочестивую душу, въ аллегорическомъ—воюющую церковь на землѣ и въ аналогическомъ церковь побѣдоносную на небѣ. Нѣтъ надобности объяснять, насколько эти смыслы были удобны для схоластическихъ казнодѣевъ и полемистовъ. Посредствомъ того или другого смысла легко можно было устранить всякое возраженіе и доказать все, что угодно, даже то, о чемъ св. писаніе вовсе не говоритъ.

Любопытной чертой Галятовскаго, какъ проповѣдника, служитъ свободное прикипковеніе въ планы и намѣренія Божіи. Галятовскій съ увѣренностью говоритъ, почему Богъ въ томъ или другомъ случаѣ поступилъ такъ, а не иначе, и самая проповѣдь подчасъ представляется какъ-бы адвокатскою рѣчью въ защиту дѣла Господня.

Въ проповѣдяхъ Галятовскаго бросаются въ глаза схоластическія цифровыя дѣленія: во первыхъ, во вторыхъ и т. д. Эти дѣленія придаютъ казанью опредѣленную, правда, весьма искусственную цѣльность и единство. Въ казаньяхъ Галятовскаго встрѣчается еще весьма странное дѣленіе понятій. Напримѣръ, въ первомъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы: „тroyкая есть честь: лятрія—Богу, дулія—святымъ и гипердулія—Христу, какъ человеку. Богу надлежитъ лятрія и гипердулія; пресвятой Дѣвѣ—гипердулія“; во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы: „тroyкая награда святымъ уготована: авра, аврола и пальма“; во второмъ казаньѣ на день св. Николая говорится, что мудрость бываетъ сотворенная и несотворенная; несотворенная мудрость раздѣляется на естественную и персональную“. Всеі эти дѣленія отзываются безжизненной, сухой школой. Эти пустяки вошли въ старинную кievскую науку и литературу, какъ нѣчто важное, занимали мысль лучшихъ людей эпохи, такихъ людей, которые при свѣтлыхъ и чистыхъ условіяхъ школьнаго образованія, могли-бы внести здоровые элементы въ науку и въ жизнь.

Подобно польскимъ проповѣдникамъ XVII в., Галатовскій охотно приводитъ примѣры изъ греческой и римской исторіи. Ипатій Потѣй, писавшій проповѣди на полъ-вѣка ранѣе Галатовскаго, также имѣлъ склонность вставлять въ проповѣди имена Октавіана Августа, Марка Аврелія и проч. ¹⁾

Проповѣди Галатовскаго принадлежатъ къ разряду догматическихкихъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о св. Троицѣ, воплощеніи Христа и проч. т. п. Въ казаньѣ на Богоявленіе, въ которомъ объясняется матерія, форма и польза каждаго таинства, между прочимъ, говорится, что пресущественіе св. даровъ происходитъ въ то время, когда священникъ произноситъ слова: *пріймите, идите* и проч. Какъ извѣстно, это ученіе, сходное съ католическимъ, раздѣляли и другіе западно-русскіе ученые, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Иннокентій Гизель. Замѣчательно, что Галатовскій въ „Мессіи“, въ изъясненіи 48 пророчества говоритъ, что св. дары пресущественяются при словахъ священника: *созвори убо хлѣбъ сей* и проч., и въ этомъ случаѣ онъ высказываетъ то мнѣніе о времени пресущественія св. даровъ, которое господствовало въ то время на Москвѣ. Извѣстно, что въ Москвѣ былъ споръ о времени пресущественія св. даровъ между Полоцкимъ и Славинецкимъ, позднѣе между ихъ учениками, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, авторомъ „Манпы“, и инокомъ Евфиміемъ, которому приписываютъ „Остенъ“,—споръ, перешедшій въ общество. По этому поводу толковали „въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ и гдѣ любо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ любо мѣстѣ, временно или безвременно, у мужей и женъ“ ²⁾. Какъ извѣстно, православное толкованіе Славинецкаго, поддержанное патриархомъ Іоакимомъ, взяло верхъ. Галатовскій сначала слѣдовалъ мнѣнію своего наставника Барановича, потомъ, сблизившись съ московскимъ правительствомъ, принялъ господствовавшее въ Москвѣ мнѣніе о времени пресущественія св. даровъ.

Нравственно назидательный элементъ въ проповѣдяхъ Галатовскаго весьма незначителенъ. Мѣстами разбросаны нравственные наставленія общаго свойства, не представляющія интереса для

¹⁾ Трипольскій, «Труды кiev. дух. акад.» 1877 г. XII. 616.

²⁾ Остенъ, стр. 115.

ислѣдователя религіозно-нравственнаго состоянія южно-русскаго общества XVII в. Любопытны попадающіяся въ двухъ-грехъ мѣстахъ наставленія о выкупѣ плѣнныхъ изъ турецкой неволи, о заведеніи шпиталей и обличенія солдатъ въ томъ, что они „людемъ кривду чинягъ, шарпають чужи добра и маестности пустошатъ“, наставленія и обличенія, отзывавшіяся бытовой жизнью.

По разбросаннымъ въ „Ключѣ“ замѣткамъ о небесныхъ свѣтилахъ, громѣ, землетрясеніи, звѣрихъ, растеніяхъ, камняхъ, свойствахъ человѣческой природы можно судить о реальныхъ знаніяхъ кievскихъ ученыхъ вообще, Галатовскаго въ частности.

Во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы находятся замѣчанія объ одиннадцати небесахъ, именно: 1) небо, на которомъ находится мѣсяць, даетъ человѣку ростъ; 2) небо, на которомъ находится Меркурій, доставляетъ людямъ краспорѣчіе; 3) небо Венеры дѣлаетъ людей милосердными; 4) небо солнца даетъ разумъ и чувства; 5) небо Марса—храбрость; 6) небо Юпитера—силу; 7) неба Сатурна—подвижность; на 8) небѣ, тверди, находятся звѣзды; 9) прозрачное хрустальное небо; 10) „перше рушающееся, повертается и другія небеса обращаетъ“, и 11) небо эмпирейское, гдѣ находится тронъ Божій.

Во второмъ казаньѣ на Успеніе пресвятой Богородицы насчитано 12 звѣздъ: Фосфорусъ (Денница), Гесперусъ (Вечерняя звѣзда), Арктосъ (Небесный Возъ), Оріонъ (Коса), Офіухусъ (Ужа держачій), Нодусъ целестіусъ, Комета (предсказываетъ паденіе царства), Спѣка (колосъ, даетъ урожай), Лира, Амалтея, Кассіоней и Андромеда.

Во второмъ казаньѣ на св. ап. Петра и Павла затмѣніе солнца и луны объясняется по Корнелію а Ляпиде научнымъ образомъ. „Гдѣ мѣсяць сблизится до солнца, говоритъ Галатовскій, и подъ него подойдетъ, такъ-же станетъ межн солнцемъ и землею, на той часъ солнце тмится, бо мѣсяць, подышовши подъ солнце, не допускаетъ променямъ солнечнымъ землю освѣтити, и для того на земли темности найдуются... Мѣсяць тмится, гдѣ земля станетъ межн мѣсяцемъ и солнцемъ, бо отъ землѣ тѣнь походитъ и мѣсяць затемняетъ, а променѣ солнечни для землѣ не могутъ принти до мѣсяца и его освѣтити“. Это объясненіе повторено въ „Мессіи“, въ изъясненіи 38 пророчества.

Въ казаньѣ на Воскресеніе Господне встрѣчаемъ весьма любопытныя народныя примѣты о мѣсяцѣ. „Мѣсяцъ гды есть блѣдный, значить, же будетъ дождь, гды есть червоний, значить же будетъ вѣтеръ, гды есть бѣлый, значить же будетъ погода“.

Въ проповѣди на Сочествіе св. Духа находится объясненіе происхожденія грозы. „Въ оболочку рождаются блискавицы, громы и перуны, бо гды сухую и теплую ексгаліацію, пару, вѣлготный и зимній влоло оболочкѣ оточить, на той часѣ ексгаліація, пара сухая, шукаючи мѣстца, которымъ бы могла выйти изъ оболочка собѣ противнаго, стирается з оболочкомъ и справуетъ громы; потымъ ся тая ексгаліація, пара сухая, запалаетъ и справуетъ блискавицы; на остатокъ тая-жъ ексгаліація, пара сухая, гды запалившись на землю з оболочка выпадаетъ, на той часѣ перенумъ стается“¹⁾. Въ той-же проповѣди происхожденіе облаковъ объясняется такимъ образомъ: „пара вѣлготная, котрая выходитъ зъ воды, подносится на повѣтре, и тамъ въ оболочкѣ вѣлготный и воднистый обертается, о чемъ Псалмиста мовить: „темна вода во облацехъ воздушныхъ“; потомъ тый оболочкѣ въ дождь обертается и на землю спадаетъ“.

Въ казаньѣ на св. Николая говорится о происхожденіи вѣтра: „якъ ся вѣтры рождають и отколы походятъ, розманты люде розманте разумѣють; едни мовять, же вѣтры походятъ зъ земли, гды една часть повѣтря въ яскини подземныи заходитъ, а другая часть повѣтря зъ яскини подземныхъ выходитъ, на той часѣ тыи двѣ части повѣтря рушаються и зъ собою стираються и съ того порушенія стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ обличеніе земли съ лѣнныими людьми). Други повѣдають, же вѣтры походятъ зъ моря, гды отпога морская полудневая зъ отногою морскою полуношною зыйдуться на виходѣ, на той часѣ рушаються и зъ собою стираються, и съ того порушенія морского стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сравненіе моря съ сердитыми людьми). Инни повѣдають, же вѣтры походятъ зъ оболочка, гды оболочки рушаються и ходять на повѣтру, на той часѣ порушають повѣтре и с того порушенія стается вѣтеръ (далѣе сравненіе гордыхъ людей съ облаками). Астрологове повѣдають, же вѣтры отъ планетъ походятъ, отъ Сатурна, отъ Ювиша, отъ Меркуриуша, отъ Марса и отъ иннихъ, бо тыи планеты розмантыи

¹⁾ Объясненіе взято изъ Плиніа.

своимъ порушеніемъ и розмантыи оборотами розмантыи вѣтры справують (далѣе люди непостоянныи въ вѣрѣ и благочестіи сравниваются съ планетами). Теоологове зась повѣдають, же вѣтеръ ангели справують, бо видѣль св. Іоаннъ Богословъ въ обявению чотирохъ ангеловъ, стоячихъ на чтырехъ углехъ земли и держащихъ чтыри вѣтры земныи, жебы вѣтеръ не дыхалъ ни на землю, ни на море, ни на дерева („ангелами называются пустынники и дѣвственники, патриархове и епископове“ и проч.). Галятовскій не отдасть предпочтенія какому нибудь одному мнѣнію; ко всеи мнѣніямъ оны относится одинаково равнодушно и пользуется ими, какъ вообще всеи своими реальными познаніями, какъ матеріаломъ для казанья, своего рода циркумстанціей, или подходящей къ слову окончностью.

Въ казаньѣ на Сочествіе св. Духа Галятовскій причиною землетрясенія считаетъ вѣтеръ. „Вѣтеръ масть такую мощь, же трясеть землю, бо гды зайдетъ вѣтеръ въ яскини и пещеры земныи, а потымъ хочеть выйти, и не найдетъ мѣстца, которымъ-бы могль изъ яскини подземныхъ выйти на верхъ, на той часѣ вѣтеръ ходить зъ великимъ импетомъ по пещерахъ земныхъ, шукаючи мѣстца, которымъ-бы могль изъ земли на верхъ выйти и отъ того вѣтреного импета и порушенія земля рушается и трясется“.

Во второмъ казаньѣ на Покровъ пресвятой Богородицы изложена свѣдѣнія о разныхъ птицахъ, свѣдѣнія, очевидно, почерпнутыи изъ средневѣковыхъ фізіологовъ. Говорится о грифѣ, спереди похожемъ на орла, а сзади на льва, о лебедѣ, который жалобно поеть передъ своею смертию, о журавлѣ, который, оберегая журавлиную стаю, стоитъ на одной ногѣ, а другой держитъ камень (если задремаеть, выпуститъ камень и пробудеться), о ботийѣ, который кормитъ своихъ престарѣлыхъ родителей, о фениксѣ, воскресающемъ изъ мертвыхъ, о ласточкѣ, котрая нашла траву хелидонію и ею открываетъ слѣпыи глаза у своихъ дѣтей, о моноциатѣ, котрая не имѣеть ногъ, никогда не садится на землю, а живетъ на вѣтвяхъ дерева, прикрѣпившись къ нимъ двумя жилками, выходящими изъ спиннаго хребта, объ алиціонѣ, который вьетъ гнѣздо на морѣ и, плавая въ свитомъ гнѣздѣ, выводитъ птенцовъ, о весьма чисто-плотной египетской птицѣ порфиріонѣ, котрая не ѣсть и умираеть, если въ томъ домѣ, гдѣ она поселилась, совершилось чужеложство

и, наконецъ, о харадриѣ, который знаетъ, умретъ-ли больной человекъ или останется живымъ, и въ первомъ случаѣ печально поетъ. Подобнаго рода фантастическія животныя встрѣчаются и у другихъ духовныхъ писателей XVII в., польскихъ и русскихъ, напримѣръ въ словахъ Епифанія Славинецкаго ¹⁾ и у польскаго проповѣдника Бирковскаго.

(Въ казаньѣ на св. Николая изложены свойства и особенности нѣкоторыхъ цвѣтовъ. „Лилія межнъ всѣми квѣтами есть паномъ и першее мѣстце маеть“... „Рута ужовъ звитяжаеть, бояться ейужи и утѣблють отъ неи“... „Гелиотропіонъ значитъ послушенство, завше ехилаетъ до солнца и ему конфирмуется; гды солнце на веходѣ и оно на веходѣ; гды солнце на заходѣ, и оно на заходѣ, гды солнце на полудню, и оно на полудню“. Подобнаго рода рассказы о растеніяхъ встрѣчаются изрѣдка у Епифанія Славинецкаго. Такъ, въ словѣ на текстъ: „аще кто хощеть по Мнѣ ити“ упоминается о деревѣ „лотосѣ“, которое растеть въ Ливіи; всякій, вкусившій отъ него, забываетъ о своемъ отечествѣ ²⁾). Рассказы о чудесныхъ деревьяхъ и травахъ встрѣчаются также у польскихъ проповѣдниковъ XVII в., напримѣръ, Сарбѣвскаго.

Во второмъ казаньѣ на Преображеніе Господне Галатовскій говоритъ, что „солнце маеть такую моцъ, же справуеть въ землѣ золото, сѣбро, цѣнь, мѣдь, желѣзо, олово и вниши крушци, бо тепло солнечное проходитъ презъ пары земныи и во внутренностяхъ земныхъ крушци справуеть“.

Во второмъ казаньѣ на Срѣтеніе Господне объяснены чудесныя свойства разныхъ камней: карбунсулъ свѣтитъ въ темнотѣ, шафиръ улучшаетъ зрѣніе, хризолитъ отгоняеть меланхолю, берилъ дѣлаеть человекъ храбрымъ, агатъ предохраняеть отъ укушенія змѣи, аметистъ избавляеть отъ пьянства, магнитъ притягиваеть желѣзо, можетъ извлекать пулю изъ раны. Подобнаго рода рассказы встрѣчаются у польскаго проповѣдника Старовольскаго.

Свѣдѣнія Галатовскаго о составѣ человѣческаго тѣла, высказанныя во второмъ казаньѣ на „Преображеніе Господне“, и о силахъ души, высказанныя во второмъ казаньѣ на Сошествіе св.

¹⁾ Швиницкій, «Труды кiev. дух. кц.» 1861 г. III. 151—152.

²⁾ Тамъ-же, III. 151.

Духа, крайне смутны и неопредѣленны. Тѣло человекъ состоитъ изъ четырехъ элементовъ: „воздуха, воды, земли и огня, которые борятся между собой и приводятъ человекъ къ смерти. Душа имѣеть три силы: роснучую ¹⁾, чающую и разумѣющую“.

Чтобы дать надлежащую оцѣнку реальнахъ знаній Галатовскаго, нужно принять къ свѣдѣнію, что знали по части естествовѣдѣнія современные ему корифеи науки и литературы: Ставровецкій, Славинецкій, Полоцкій, Барановичъ, Стефанъ Яворскій. Порывшись въ ихъ сочиненіяхъ, принявъ къ свѣдѣнію оброненныя ими мимоходомъ замѣчанія о міроустройствѣ, не трудно придти къ тому заключенію, что реальныя знанія Галатовскаго были по тому времени довольно обширны. Опъ знаеть гораздо болѣе научныхъ теорій о причинахъ явленій и силъ природы, чѣмъ современные ему ученые, хотя, нужно признаться, пользовался своими реальными знаніями такъ-же неблагоразумно, какъ и другіе схоластическіе писатели XVII в.

Трапавилліонъ ²⁾ Полецкій въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) раздѣляеть міръ на невидимый и видимый. Невидимый—ангелы и демоны. Видимый міръ состоитъ изъ 4 стихій: воздуха, воды, земли и огня. Небесная твердь—сухая, не промокаемая, легкая матерія, въ которую вставлены солнце, луна и звѣзды. Надъ твердью разлита вода, оберегающая ее отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Земля кругла. Земли и моря имѣють своихъ ангеловъ хранителей. Гроза происходитъ отъ того, что паръ съ моря поднимается въ верхніе слои горячаго воздуха ³⁾).

Лазарь Барановичъ въ „Лютнѣ“ посвятилъ нѣсколько безсодержательныхъ виршей солнцу, лунѣ и звѣздамъ. О солнцѣ говорится, что это отецъ дня, побудитель къ труду, источникъ плодородія; „Wilgotny miesiac suchą ziemię chłodzi“; „gwiazdy jak swiecy go-gają na niebie ⁴⁾“...

Извѣстно, что Симеонъ Полоцкій дѣлалъ астрономическія наблюденія и записывалъ ихъ въ свою записную книжку ⁵⁾. Любо-

¹⁾ Т. е. растительную.

²⁾ Костомаровъ, Рус. ист. въ жизнеоп. II. 70.

³⁾ Lutnia, 277.

⁴⁾ Опне. рукоп. синод. библ. II. 191—192.

пытно послушать, что говоритъ онъ о міроустройствѣ. Въ „Вѣнцѣ вѣры“ Симеонъ Полницкій заявляетъ, что есть три неба: 1) эмпирейское, неподвижное, самое высшее, 2) кристалльное, движущееся съ неизреченною скоростью и 3) твердь съ двумя поясами, поясомъ неподвижныхъ звѣздъ и поясомъ планетъ. Планетный поясъ раздѣляется на семь круговъ, по числу планетъ (Кронъ, Дей, Аръ и др.). Отъ земли до тверди 80 темъ (т. е. 800,000) миль, а отъ верха земли до эмпирейскаго неба такъ далеко, что если-бы ѣхать туда со скоростью 80 миль въ часъ, потребовалось-бы 50,000 лѣтъ. Звѣзды „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дальныхъ вещей родительны“... Планеты ниже звѣздъ. Онѣ движутся иногда по одному пути со звѣздами, иногда по пути противоположному. Самая малая звѣзда въ 80 разъ менѣе земли, а слѣдующая за ней по величинѣ звѣзда въ 170 разъ болѣе земли; солнце въ 166 разъ болѣе земли; луна въ 30 разъ менѣе земли. Ежечасно солнце проходитъ 717 миль, изъ которыхъ каждая требуетъ двухъ-часовой ходьбы человѣка. Земля кругла, черна, холодна, тяжела. Она центръ всего міра. Внутри земли находится адъ. Землетрясенія происходятъ отъ движенія демоновъ въ адѣ.

Силы и явленія природы объяснялись теологическимъ путемъ. „Седьмъ тысячъ уже лѣтъ и 228 нечисляемъ отъ сотворенія міра, говоритъ Стефанъ Яворскій, 32 года спустя послѣ смерти Галітовскаго, въ одной своей проповѣди, и черезъ все тое время вси небесныя, солнце, луна, звѣзды, въ непрестанной пребываютъ службѣ, въ неустанной стражбѣ, въ незанятномъ теченіи, въ неупорядоченномъ движеніи, служатъ, работаютъ не себѣ на пользу, по человѣкомъ, вселенную просвѣщаютъ, согрѣваютъ, землю плодоносною творятъ и въ самыхъ внутренностяхъ земныхъ злато, серебро, каменіе многоцѣнное и руды различныя дѣйствіемъ своимъ и инфлюенціями содѣлываютъ. Одному только пѣккому астроному Копернику приписался, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противъ свящ. Писанію¹⁾“.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что одинокъ изъ ученѣйшихъ людей XVII в., человѣкъ высокаго нравственнаго характера, Епифа-

¹⁾ Покарскій, Наука и литература при Петрѣ В. II 454.

ній Славинецкій склонился на сторону Коперника, хотя, по своей осторожности, и не высказалъ этого достаточно ясно. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. Епифаній Славинецкій, монахъ Исаія и Арсеній Сатаповскій перевели космографію, въ которой объяснены системы Птолемея и Коперника. „Нынѣ изыщѣннѣе всѣ математики, говорится здѣсь, Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумнѣйшій есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семь не хотимъ уставлять; но въ вещахъ небесныхъ искуснымъ оставляемъ любоврѣтися“¹⁾.

Свѣдѣнія западно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка по физиологій и психологій были также весьма ошибочны и скудны. Въ „Жезлѣ Правленія“ (1666 г.) Симеонъ Полоцкій со словъ „естественныхъ тайнъ имѣющихъ искусство“ говоритъ о зачатіи младенца. „Зачинается дитя изъ сѣмени, огуствѣваетъ и воображается черезъ срокъ дней мальчикъ, черезъ 80 дней дѣвочка, а потомъ уже Богомъ одушевляется“).

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній физиологическаго свойства. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ вопросъ какихъ-то философовъ, почему у человѣка голова болитъ, а у животныхъ не болитъ, и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „звѣрїе долу преклонну имуть главу, того ради нары, отъ желудка происходящїе, не входятъ до ихъ главы, ниже ей могутъ вредити, а у человѣка голова не къ землѣ преклонена, но горѣ вознесена; того ради нары внутреннїе вредныя, отъ желудка происходящїе, восходятъ до головы въ гору, и оную повреждаютъ“. Въ другомъ мѣстѣ черныи цвѣтъ волосъ объясняется тѣмъ, что въ человѣкѣ много теплоты, огня; „обычно бо есть огню окурити и очернѣвати“. У старыхъ людей бѣлуютъ волосы, потому что со старостью теплота уменьшается: „кто имѣетъ бѣлье (?) власы, у того много мокроты; у кого волоса русые, въ томъ много желчи“).

Языкъ Галітовскаго въ „Ключѣ“ простой и ясный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе Галітовскаго напоминаетъ по силѣ и простотѣ Іоанна Вишенскаго. Макаризмовъ нѣтъ. Часто попада-

¹⁾ Покарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. II. 337.

²⁾ Жезлѣ Правленія, листъ 27.

³⁾ Проповѣди Ст. Яворскаго, II. 84.

ются народныя малорусскія слова и фразы. Можно допустить, что нѣкоторые проповѣди, простѣйшія по содержанию, были понятны простому народу. Если-бы и въ содержаніи „Ключа“ было столько народности, сколько въ его языкѣ, то это было-бы капитальное произведеніе.

„Ключъ разумѣнія“ возникъ въ бурное время южно-русской исторіи. Войны Хмельницкаго съ поляками только-что окончились; только что совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Еще свѣжа была могила славнаго малорусскаго гетмана. Политическія и религіозныя страсти были еще сильно возбуждены. Народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героическою жизнью. Ничто не затронуло, не взволновало души кievскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и много знаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой, — нимаго не отразились въ „Ключѣ“. Въ то время, какъ рѣшалась участь украинскаго народа, когда относительно самаго его національнаго существованія поставленъ былъ роковой вопросъ: „быть или не быть“, Галятовскій поглощенъ былъ вопросами о томъ, будутъ-ли умершіе припимать пищу въ будущей жизни, сколько дней пробывъ въ раю Адамъ и т. п. На Галятовскомъ вполнѣ раскрылось депационализирующее значеніе кievо-могилянскон академіи.

Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамова отродье. „Маеть пречистая Дѣва мѣсце на земли межи всеми людьми, говоритъ онъ въ проповѣди на Благовѣщеніе, бо троякій есть станъ людскій: одинъ посполитый, другой панскій, третій духовный. Презначали тыи три станы сыны Ноеви, Симъ, Хамъ и Афетъ. Симъ презначаль станъ духовный, Афетъ презначаль станъ панскій, Хамъ презначаль станъ посполитый, бо Хамъ служилъ двумъ братьямъ своимъ, Симови и Афетови. Такъ люде посполитыи служатъ панамъ и духовенству. Маеть теды пречистая Дѣва мѣсце межи людьми посполитыми, бо люде посполитыи дають панамъ сронмъ дани, слушаючи апостола Павла, который мовить: *Воздадите убо всемъ дол-*

жнял; ему-же убо урокъ урокъ, и ему-же дань дань, и ему-же страхъ страхъ, и ему-же честь честь.

„Ключъ разумѣнія“ при жизни Галятовскаго былъ подвергнутъ злой критикѣ. Критическій разборъ „Ключа“ затерялся, такъ что неизвѣстно, когда и кѣмъ онъ былъ сдѣланъ; но что такой разборъ былъ, видно изъ словъ самаго Галятовскаго въ концѣ „Алфавита“. „Песъ одинъ, говоритъ онъ, называемый зоиломъ (рѣчь идетъ о неизвѣстномъ критикѣ), по невѣжеству и зависти, зубами своими грызъ „Ключъ“ мой, но не угрызъ и поламалъ себѣ зубы, потому что мой „Ключъ“ похваленъ всеми учеными людьми, охотно принятъ церковью и нашелъ многихъ читателей“.

Галятовскій не ограничился, да и не могъ ограничиться скромною дѣятельностію проповѣдника и профессора. Какъ высокопоставленное въ духовной іерархіи лицо, какъ руководитель высшего въ южной Россіи православнаго училища, Галятовскій на первыхъ же порахъ своей ученой и литературной дѣятельности вмѣшался въ религіозно-церковную полемику православныхъ съ латино-уніатами. Къ борьбѣ съ латино-уніатами Галятовскаго вызывало крайне угнетенное положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой въ второй половинѣ XVII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. польское правительство не выступало прямо и рѣшительно противъ южно-русской православной церкви. Оно тѣснило православныхъ преимущественно административными мѣрами. Съ шестидесятихъ годовъ XVII ст. оно стало тѣснить ихъ законодательнымъ путемъ, воспользовавшись тѣмъ, что южно-русское дворянство къ этому времени перешло въ латинство. На варшавскомъ сеймѣ 1658 г. иезуитъ Корватъ требовалъ, чтобы король и сеймъ истребили всехъ иновѣрцовъ въ Польсѣ, какъ враговъ Бога. Маршалъ посольской палаты Любовицкій по этому поводу замѣтилъ, что врагами Бога могутъ быть названы только аріане (т. е. соцініане). Въ 1667 г. было постановлено, чтобы православное духовенство отбывало постоянную повинность, что было для него крайне тягостно, по причинѣ своеволія и буйства польскихъ войскъ; православные были исключены изъ числа лицъ, имѣвшихъ право занимать староства. Въ 1676 г. православнымъ, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, было воспрещено выѣзжать за границу¹⁾.

¹⁾ Антоновичъ, Очеркъ сост. прав. церкви въ ю. з. Россіи. 14.

Малорусскіе лѣтописцы мемуаристы XVII в. горько жалуются на притѣсненія православныхъ латино-уніатами. Народъ въ своихъ пѣсняхъ и предаіяхъ до сихъ поръ еще воспоминаеть о польскомъ и еврейскомъ гнетѣ.

Православіе нигдѣ не находило защиты и поддержки. Католическое польское правительство было на сторонѣ притѣснителей. Южно-русское дворянство измѣнило вѣрѣ и языку народа и перешло въ разрядъ его угнетателей. Церковныя братства были придавлены административными и законодательными мѣрами. Попытки, направленные къ противодѣйствию униі, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій. Объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной іерархіи, которая руководила-бы ими и сводила частныя усилія къ общей программѣ дѣйствій. Православные іерархи одновременно должны были обнаружить рѣдкія качества: образованность, энергію и непоколебимую стойкость въ убѣжденіяхъ. Во второй половинѣ XVII в. въ юго-западной Россіи не оказалось ни Іова Борецкаго, ни Петра Могилы. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изъ Львова московскій резидентъ Тяпкинъ въ 1675 г., что ихъ владыки здѣсь только мантией благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри-же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ“¹⁾. Дѣйствительно, высшее православное духовенство правобережной Украйны: Іосифъ Шумлицскій, Иннокентій Винницкій, Варлаамъ Шептыцкій, Сильвестръ Тваровскій, тайно приняли унию и въ тайнѣ-же, выдавая себя православными, проводили унию въ города и села.

Въ то время, какъ высшее православное духовенство правобережной Украйны удачно разыграло роль Іуды предателя, въ Кіевѣ и Черниговѣ возникъ кружокъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, поставившій своей задачей энергическую борьбу съ латино-уніатами. Главными дѣятелями этого кружка были Лазарь Барановичъ, Іоаннікій Галятовскій и Иннокентій Гизель.

Галятовскій враждебно столкнулся съ католицизмомъ лѣтъ за десять прежде, чѣмъ кружокъ Барановича обнаружилъ свою дѣ-

1) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 227.

тельность. Въ 1663 г. Яць Казиміръ съ многочисленнымъ польскимъ войскомъ двинулся въ восточную Малороссію. Цѣлую недѣлю онъ пробылъ въ Вѣлой Церкви. Коронный канцлеръ епископъ Пражмовскій 8 ноября пригласилъ къ обѣду нѣсколько высшихъ православныхъ іерарховъ, Гедеона (Юрія) Хмельницкаго, Адама Желиборскаго, Аптонія Винницкаго и Іоаннікія Галятовскаго. Потомъ пришелъ королевскій проповѣдникъ іезуитъ Адріанъ Пекарскій и сѣлъ за столомъ прямо противъ Галятовскаго. Вся компата была наполнена полковниками, ротмистрами, капитанами, ксендами. Между Галятовскимъ и Пекарскимъ за столомъ произошелъ любопытный диспутъ о главенствѣ папы. Въ 1676 г. Галятовскій напечаталъ свой разговоръ съ Пекарскимъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Besiada bialocerkiewska“¹⁾. „Бесѣда“ вскорѣ была переведена на русскій языкъ²⁾.

Споръ завелъ впервые Пражмовскій, затѣмъ вмѣшался и весь споръ велъ Пекарскій. Пражмовскій изрѣдка вставлялъ свое замѣчаніе. Пражмовскій и Пекарскій проводили то положеніе, что папамъ искони принадлежало главенство въ церкви, что они председательствовали на соборахъ и судили константинопольскихъ патріарховъ, и что верховная власть въ церкви перешла къ нимъ отъ ап. Петра, будто-бы первенствовавшего среди апостоловъ. Галятовскій привелъ слова св. Кипріяна, что „были тоже и другіе апостолы, какъ и Петръ, отличенные равною съ нимъ честью, и властью, и достоинствомъ“. На замѣчаніе Пекарскаго, что православные, не признавая папу главою церкви, должны имѣть главою мірянина, Галятовскій возразилъ, что Христосъ глава церкви, а не кто иной. „Розмова“ оканчивается указаніемъ Галятовскаго на неудачный исходъ флорентинскаго собора 1439 г.

Вѣроятно Галятовскій предвидѣлъ споръ и заблаговременно справился съ книгами. Его возраженія Пекарскому мѣткы и сильны. Возраженія эти обнаруживаютъ въ Галятовскомъ знаніе св. Писанія, умѣлое пользованіе отцами церкви и діалектическую ловкость. Если споръ шелъ вполне такъ, какъ говорится о томъ въ „Бесѣдѣ“,—

¹⁾ Самуэль Величко вставляетъ «Розмову» Галятовскаго въ свою лѣтопись (II. 42—76).

²⁾ Востоковъ, Опис. Румянц. Музея. № 376, листы 21—27.

а не вѣрить Галатовскому въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія, то Пекарскій оказался побѣжденнымъ. Галатовскій нанесъ весьма сильные діалектическіе удары своему противнику. Такъ, онъ говоритъ, обращаясь къ Пекарскому: „да, честный отецъ, напрасны наши несогласія, напрасны споры, когда мы признаемъ главою одного Христа, и каждый изъ насъ говоритъ: „я Христовъ“, а ваша милость признаете главою церкви папу, и каждый изъ вашихъ милостей говоритъ: „я папинъ“. И вотъ ап. Павелъ спрашиваетъ вашу милость: развѣ папа за васъ распятъ? развѣ вы во имя папы крестились?“

Нѣтъ сомнѣнія, Галатовскому часто приходилось вести бесѣды съ иновѣрцами, подобныя бѣлоцерковской. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галатовскій говоритъ, что онъ спорилъ съ учеными еврейскими раввинами о религіозныхъ вопросахъ. Вѣкъ семнадцатый былъ въ Малороссіи по преимуществу вѣкомъ религіозныхъ споровъ, и относительно его можно вполне повторить слова Рихцицкаго о вѣкѣ XVI: „kto tylko chce tknąć jako kolwek części dziejów XVI wieku, musi mieć na względzie religią: ona była w ten czas głównym pytaniem, główną trudnością; kto ją pominie, musi zostać albo jednostronnym, albo nawet często niezrozumiałym“¹⁾. (Кто хочетъ коснуться какой либо части событій XVI в., долженъ принять во вниманіе религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ; кто обойдетъ ее, тотъ останется по необходимости или одностороннимъ, или непонятнымъ).

Были особыя причины, почему бѣлоцерковская бесѣда удостоилась печати. Галатовскій, вѣроятно, не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ онъ въ многочисленномъ собраніи духовныхъ лицъ и воспачальниковъ въ словесной борьбѣ одолѣлъ королевскаго проповѣдника, ловкаго іезуита, а вмѣстѣ съ нимъ и канцлера. Для православнаго ученаго было очень лестно повѣдать читающему южно-русскому міру о своей побѣдѣ. Можно думать, что осторожный Галатовскій въ первое время послѣ бѣлоцерковской бесѣды опасался говорить о ней печатно, боялся ее опубликовать, чтобы не подвергнуться неприяностямъ, особенно въ тяжелое и смутное время шестидесятихъ годовъ, когда польскія войска пропикали въ лѣво-

¹⁾ Rychcicky, Piotr Skarga. II. 15.

бережную Малороссію. Поселившись окончательно въ далекомъ отъ польскихъ границъ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, быть можетъ, не безъ побужденія со стороны Лазаря Барановича, Галатовскій издалъ свою „Бесѣду“. Появленіе этой дѣльно составленной противолатинской статьи должно было упрочить славу Галатовскаго, какъ крупнаго ученаго и подкрѣпить партію Лазаря Барановича въ борьбѣ ея съ латинно-уніатами. Въ особенности важно то обстоятельство, что грамотные православные, съ выходомъ въ свѣтъ „Бесѣды“ Галатовскаго, нашли въ этомъ сочиненіи весьма подходящее пособіе для борьбы съ латинно-уніатами въ такомъ существенномъ пунктѣ ихъ ученія, какъ главенство папы. Капитальныя возраженія противъ папства въ „Бесѣдѣ“ изложены настолько коротко, просто и ясно вообще, дѣльно и общедоступно, что всякій грамотный православный, интересовавшійся религіозными спорами, могъ ею воспользоваться и руководствоваться при своихъ столкновеніяхъ съ уніатами и католиками.

На „Бесѣду“ Галатовскаго католиками было сдѣлано возраженіе, озаглавленное „Рефутаціей“. О существованіи „Рефутаціи“ можно заключить по заглавію одной весьма рѣдкой книжки конца XVII в.; именно: *Rycerz prawosławney katholickey cerkwi wschodniey rycerzowi kosciola rzymskiego na jego Refutacyę napisaną przeciw Rozmowie Białocerkiewskiej*. Авторъ книги и годъ изданія неизвѣстны. Мацѣвскій авторомъ книги считаетъ Галатовскаго¹⁾. Ни Вишневскій, ни Филаретъ не упоминаютъ этой книги при перечисленіи сочиненій Галатовскаго.

Церковно-общественная жизнь польской и южно-русской интеллигенціи второй половины семнадцатаго вѣка многими своими сторонами напоминаетъ религіозное настроеніе и церковно-литературные порядки и вкусы западно-европейскаго общества въ глухое средне-вѣковье. Изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, появившихся въ Польшѣ и въ Литвѣ въ XVI и XVII ст., выросли давно уже на Западѣ заглохшія сорныя травы суевѣрій, религіозной нетерпимости и ханжества. Безъ опасенія впасть въ погрѣшность можно утверждать, что іезуиты послали польскій и южно-русскій разумъ въ школу, чтобы сдѣлать его слѣпымъ и одностороннимъ. Въ Польшѣ, Литвѣ

¹⁾ Maciejowski, Pism. polskie. III. 180.

и Русь искусственнымъ образомъ были укрѣплены устарѣлыя формы и обветшалое содержаніе западно-европейской жизни, что въ особенноти обнаружилось въ наукѣ и литературѣ. На первый взглядъ кажется, что въ лицѣ Галатовскаго воскресъ Цезарій Гейстербахскій или Яковъ де Ворагине. Эту странную иллюзію вызываетъ необыкновенное сходство „Неба Новаго“ и „Софій мудрости“ Галатовскаго съ такими произведеніями, какъ „Dialogus miraculorum“ и „Legenda aurea“.

Къ числу весьма характерныхъ чертъ религіозно-нравственнаго настроенія польскаго и южно-русскаго общества второй половины семнадцатаго вѣка принадлежитъ весьма своеобразное, вполнѣ средневѣковое по духу и вѣншей формѣ, прославленіе пресвятой Дѣвы, весьма отличное отъ того смиреннаго и безыскусственнаго почитанія, которое воздавали Ей въ московскомъ государствѣ. Польскій проповѣдникъ второй половины XVII в., іезуитъ Тома Млодзяновскій называетъ пресвятую Богородицу польской королевой, причѣмъ увѣряетъ, что она сама такъ назвала себя. По мнѣнію Млодзяновскаго, Польшу отъ окончательной гибели во время турецкаго нашествія въ 1676 г. спасло то важное обстоятельство, что, кромѣ особеннаго благоволенія Господа, Польша находится еще подъ покровительствомъ пресвятѣй Дѣвы¹⁾. Южно-русскіе проповѣдники усердно плели изъ своихъ напыщенныхъ „казаній вѣнокъ“ для Богородицы или устраивали для нея „садъ“. Они объясняли, изъ какихъ нитокъ сшито было платье Богоматери, изъ какихъ камней была составлена ея корона, какъ украшенъ ея дворецъ. При крайней матеріализаціи высоко-чтимаго образа пресвятой Дѣвы, въ южной Россіи развилаь склонность къ собранію разсказовъ о ея чудесахъ.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ Галатовскій выбиралъ изъ разныхъ книгъ сказанія о чудесахъ пресвятой Богородицы. Въ концѣ „Ключа“ приведено сто чудесъ пресвятой Дѣвы, какъ пособіе для амплификаціи проповѣдей. Въ 1665 году Галатовскій издалъ во Львовѣ цѣлую книжку о чудесахъ Богоматери, подъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами сотворенное, т. е. преблагословенная Дѣва Марія Богородица съ чудами своими, составленное трудолюбіемъ іеромонаха Іоанникія Галатовскаго, ректора и игумена братства кievскаго“. „Небо“ имѣло

¹⁾ Мацѣевичъ. «Труды К. Дух. акад.» 1870. Июль. 263.

три изданія: львовское 1665 года на польскомъ и малорусскомъ языкѣ¹⁾, черниговское 1677 года на малорусскомъ языкѣ и моголевское 1699 года на малорусскомъ языкѣ. „Небо“ было въ 1677 года переведено на русскій языкъ дьякономъ звенигородскаго Саввы Сторожевскаго монастыря Теофаномъ²⁾. Новѣйшій русскій переводъ сдѣланъ въ Москвѣ въ 1851 году А. Плоховымъ³⁾.

На первой страницѣ заглавнаго листа изображена пресвятая Богородица, окруженная ангелами и въ одеждѣ, усѣянной звѣздами. На второй страницѣ того-жъ листа въ изданіи 1665 г. находится гербъ Могилы и посвященіе книги двоюродной сестрѣ Петра Могилы, Аннѣ Потоцкой, а въ изданіи 1677 и 1699 г. изображено крещеніе Спасителя. На третьей страницѣ находится обращеніе къ „ласкавому чительнику“, въ которомъ объясняется цѣль изданія книги. „Тыи чуда пресвятой Богородицы могутъ священники въ церкви читать, на утрени, для науки людямъ и на похвалу пресвятой Богородицы. На праздники Богородичныя могутъ читать и законники въ церкви, того-жъ часу, могутъ читать и въ трапезѣ, подчасъ обѣда albo вечерю; зъ тыхъ чудовъ могутъ и казнодѣи помочь мѣти до казаня на праздники Богородичныя и на иныи свята и недѣли, и на погребы, и на оказіи розныи, беручи ихъ и апликуючи до своен мовы, що знайдется въ мопхъ казаняхъ многихъ; тыми чудами могутъ всѣ християне православныя вѣру свою спирати и всѣмъ людямъ невѣрнымъ, геретикомъ, жидомъ и поганомъ отпоръ давати, и сами ся въ добрыхъ учинкахъ будовати и дѣдичами царствія небесаго зостати“. На листахъ 1—4 находятся пророчества Сивилль о 12 чудесахъ Богородицы.

Всѣхъ чудесъ въ „Небѣ“ 445; распределены они по 28 отдѣламъ: чудеса при рождествѣ пресвятой Богородицы, во время ея пребыванія въ храмѣ, во время рождества Іисуса Христа, отъ имени пресвятой Дѣвы, отъ ея перстня, надъ монахами, большими, умершими, жидами, язычниками и проч. Въ распределеніи чудесъ замѣтна искусственность и хаотичность.

Галатовскій черпалъ сказанія о чудесахъ Богородицы изъ разнообразныхъ источниковъ, изъ житій святыхъ, описаній чудот-

¹⁾ Wiszniewski, Hist. liter., VIII. 393. Одинъ экземпляръ «Неба» находится въ библиотекѣ харьк. дух. семинаріи.

²⁾ Бычковъ, библиологич. словарь Строева. 1882. стр. 132.

³⁾ Некарекій, наука и литер. при Петрѣ В. II. 19.

ворныхъ иконъ, историческихъ сочиненій. Онъ пользовался почти исключительно латинскими источниками. „Prawda, писалъ Рутка въ 1696 г., ze pisali teraz schizmaticy kazania, jak przeciwъ żydow jako i mahometanow, ale cokolwiek tam jestъ dobrego, pięknego i mądrego, to się z authorowъ łacinskiхъ pobrało. Co się widzieć daje z authora „Nowego Nieba“. Bo w tymъ Niebie naprzodъ знайдiesz i spiac Dormi secure Anzelma, Suriusza, Karthagena, Marchauciusza, Boziusza, Bellowaceńskiego Vincenciusza i inszych. A schysmatykomъ Pan Bogъ nie dałъ tego, według науки Duchа Świętego: „do dusze zlejъ woli nie wnidzie Duchъ mądrości“¹⁾.

Нѣтъ надобности доказывать, что „Небо“ Галатовскаго никогда не имѣло того образовательнаго и воспитательнаго значенія, какое ему приписывалъ благочестивый авторъ. Довольно важно другое значеніе этого литературнаго памятника, которое Галатовскій ни мало не предвидѣлъ,—значеніе историко-литературное. Нѣкоторые религіозные рассказы и легенды, циркулирующіе въ настоящее время въ народѣ, проникли въ Малороссію черезъ „Небо“ Галатовскаго. Чтобы не отклоняться въ сторону отъ нити изслѣдованія, можно ограничиться однимъ примѣромъ. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи существовалъ рассказъ о томъ, какъ одинъ живописецъ изобразилъ на холстѣ Богоматерь и чорта. Чортъ былъ представленъ безобразнымъ, и Богоматерь попирала его ногами. Демонъ, какъ и слѣдовало ожидать, обидѣлся. Онъ выдернулъ изъ-подъ живописца скамью, чтобы живописецъ разбился; но Богоматерь подержала его на воздухѣ и такимъ образомъ посрамила чорта²⁾. Подобнаго рода рассказъ нынѣ циркулируетъ въ украинскомъ простонародіи. Сходство между средневѣковыми нѣмецкими и современными малорусскими рассказами о чортѣ и живописцѣ до такой степени велико, что малорусскіе рассказы необходимо признать простымъ пересказомъ сказаній нѣмецкихъ. У Галатовскаго рассказъ о живописцѣ и чортѣ встрѣчается въ „Небѣ“, въ XXI отдѣлѣ, и мы склонны думать, что именно Галатовскій, пользовавшійся при составленіи „Неба“ средневѣковыми сочиненіями, пересадилъ этотъ рассказъ на малорусскую почву, гдѣ онъ и принялся. Изслѣдова-

¹⁾ Treoph. Butka, Herby abo znaki kościoła prawdziwego. 1696. стр. 208. (Одинъ экз. «Гербовъ» находится въ библ. харьк. дух. семина.).

²⁾ Roskoff. Geschichte des Teufels. II. 203.

телямъ исторіи малорусскихъ народныхъ преданій, рассказовъ и легендъ придется обратиться къ изученію вышедшихъ во второй половинѣ XVII ст. сборниковъ чудесъ, и, быть можетъ, изученіе этихъ сухихъ и безцвѣтныхъ памятниковъ украинской старины бросить свѣтъ на исторію украинскихъ народныхъ легендъ, опредѣлить, какія изъ этихъ легендъ возникли въ самой Украинѣ, а какія забрели съ чужбины и акклиматизировались въ Малороссію.

Въ „Небѣ“ встрѣчаются чудеса, любопытныя для изслѣдователя исторіи демонологіи. Такъ, Богородица привязала чорта къ столбу, и монахи его избили (XXIV, 15); демоны производятъ свѣтъ отъ тѣлъ еретиковъ, чтобы люди поклонялись имъ, какъ мощамъ (XX, 6); демоны, живущіе въ идолахъ, совѣтуютъ посвятить языческой храмъ Богородицы (XXI. 3—4) и друг.

Излагая чудеса отъ иконъ пр. Богородицы, Галатовскій говоритъ преимущественно объ иконѣ купятицкой и иконѣ печерской. Впослѣдствіи Галатовскій описалъ чудеса елецкой иконы Богоматери. Эти три иконы были особенно почитаемы Галатовскимъ, какъ устроительницы и руководительницы его въ разные періоды жизни,—икона купятицкая въ молодости, икона печерская въ зрѣломъ возрастѣ, икона елецкая въ старости.

Краевой южно-русскій элементъ въ „Небѣ“ незначителенъ. Въ XXII—XXVIII отдѣлахъ находится довольно много чудесъ Богородицы въ предѣлахъ Малороссіи; но чудеса эти большею частью заимствованы изъ книгъ и по содержанию однообразны,—говорится большею частью о монахахъ, видѣвшихъ во снѣ или на яву Богородицу (XXIV 21—27; XXVI 22; XXVIII 7, 15, 18, 22). Въ одномъ мѣстѣ (XXVIII 17) встрѣчается довольно любопытное историческое преданіе, записанное изъ устъ народа. „Въ Малороссіи, въ галицкомъ повѣтѣ, говоритъ Галатовскій, есть городъ Заваловъ, получившій названіе отъ древнихъ валовъ. Повѣдаютъ старые духовные и свѣтскіе люди, которые отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ слышали, что Бунякъ (яко они мовять), але рачей Батый, татарскій царь, разоряя русскую землю, встрѣтилъ воеводу Романа, который окопался тремя валами. Романъ видѣлъ св. Николая, который велѣлъ ему сразиться съ татарами и на мѣстѣ побѣды надъ ними построить церковь во имя пр. Богородицы. Романъ побѣдилъ татаръ и построилъ на мѣстѣ побѣды монастырь, подъ названіемъ „Погоня“, съ церковью Успенія пр. Богородицы“.

1665—1669 годы самые темные въ жизни Галатовскаго, темные въ томъ смыслѣ, что о нихъ почти ничего неизвѣстно. Въ

MB

1665 г. академія была разорена и ректорство Галіатовскаго фактически прекратилось. Въ 1667 г. Галіатовскій, по порученію Лазаря Барановича, ѣздилъ въ Литву. Въ этомъ году между московскимъ правительствомъ и нѣкоторыми знатными польскими панами шли переговоры о возведеніи на польскій престолъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Сторонникъ Москвы, Лазарь Барановичъ былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ избраніи въ польскіе короли московскаго царевича. Можно думать, что Галіатовскій ѣздилъ въ Литву въ интересахъ царевича. Такое предположеніе находитъ опору въ одномъ письмѣ Барановича, гдѣ одновременно говорится о желаемомъ избраніи царевича въ польскіе короли и о возвращеніи Галіатовскаго изъ Литвы. „Вся Литва и сильнѣйшая партія въ Польшѣ, писаль Барановичъ Симеону Полоцкому въ 1668 г., желаютъ, чтобы у нихъ былъ королемъ его милость царевичъ. Честный отецъ Галіатовскій прибылъ изъ Литвы въ Черниговъ, точно какъ отъ дождя подъ водосточный жолобъ; онъ, какъ очевидецъ, умѣетъ рассказать объ ужасахъ войны; развѣ, говоритъ онъ, на страшномъ судѣ страшнѣе будетъ. Тамъ (?), по тоему старанію, Демко, сѣверскій гетманъ (рѣчь идетъ о Многогрѣшномъ), заключилъ союзъ съ княземъ Ромодановскимъ, перемиріе“... Быть можетъ, и въ заключеніи этого перемирія участвовалъ Галіатовскій. Впрочемъ участіе Галіатовскаго въ этомъ дѣлѣ могло быть лишь незначительно, такъ какъ Демьянъ Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ Ромодановскимъ въ концѣ 1668 г. въ Черниговѣ, гдѣ пребывалъ самъ Барановичъ и въ посредничествѣ Галіатовскаго не могло быть надобности.

Политическія дѣла, беспокоившія Галіатовскаго въ смутное въ исторіи Малороссіи время гетманствъ Брюховецкаго и Многогрѣшнаго, не помѣшали ему однако приготовить для печати крупное изслѣдованіе о правдивомъ, истинномъ Мессіи. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому“ Галіатовскій говоритъ, что сочиненіе это издается на трехъ языкахъ: латинскомъ, польскомъ и русскомъ. О существованіи латинскаго „Мессіи“ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ. На польскомъ языкѣ „Мессія“ изданъ въ 1668 г., на русскомъ въ 1669 г.¹⁾ Содержаніе польскаго „Messiasza“ и рус-

¹⁾ Въ бібліотекѣ харьк. духовн. семина. находится 1 экз. «Мессіи» и 1 экз. «Messiasza».

скаго „Мессіи“, за исключеніемъ изъачальной риньетки и предисловія, тождественно. На первой страницѣ заглавнаго листа польскаго „Мессіана“ изображенъ московскій гербъ (двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ серединѣ); въ русскомъ „Мессіи“ и изображенъ прор. Іезекіиль, держащій въ правой и лѣвой рукахъ по жезлу, которые на верху страницы оканчиваются изображеніями ап. Петра и ап. Матѳея; между ними изъ-за разодранной занавѣсы выступаетъ Іисусъ Христосъ. Польскій „Мессіанъ“ посвященъ московскому царю, который будто бы ненавидѣлъ жидовъ; русской „Мессіи“ посвященъ самому Іисусу Христу, причемъ, странно сказать, прилагается гербъ Господа: крестъ въ кругѣ. Въ посвященіи книги Іисусу Христу говорится: „Созданіе рукъ Его, сей книги создатель, сію книгу Ему самому, какъ своему и сей книги начальнику создателю, офбруетъ и дедикуетъ. Прійми, Мессія правдивый, сію книгу, потому что въ сей книгѣ я написалъ противъ непріятелей Твоихъ жидовъ, которые Тебя преслѣдовали и ученіе Твое хулили, а Ты меня за то избавь отъ всѣхъ непріятелей моихъ, видимыхъ и невидимыхъ, которые меня преслѣдуютъ и хулятъ по-жидовски, или хотять хулить Твои божественныя слова, исходяція изъ устъ моихъ на хвалу Твою. Да постыдятся тѣ, которые меня гонять; да устроятся они; наведи на нихъ день озлобленія и сугубымъ сотрясеніемъ сотряси ихъ“... Въ дальнѣйшихъ строкахъ посвященія обнаруживается такое же панвое отношеніе автора книги къ Іисусу Христу: „Я написалъ въ этой книгѣ имя Твое, а Ты за то напиши мое имя въ книгѣ живота. Малое прошеніе мое вношу въ уши Твои, надѣясь больше получить отъ Тебя за трудъ мой, чѣмъ я прошу“... Далѣе слѣдуютъ строки автобіографическаго характера: „Помяни, Господи, Іоаннікія, и всѣ труды, и трудности, и исходы, и небезпеченства, и болѣзни, и всѣ утрапенія мои, которыя сію книгу я на хвалу Твою пишучи подвѣляю; виждь смиреніе мое и трудъ мой и отпусти мнѣ всѣ грѣхи. Не имѣя своей обители, слоняюсь по свѣту, въ чужихъ обителяхъ сію книгу написалъ, что сопряжено съ затрудненіемъ“.

Въ 1803 г. въ Москвѣ вышелъ переводъ „Мессіи правдиваго“ на современный русскій языкъ. Переводчикъ, Космодемьянскій, не обозначилъ имени Галіатовскаго, а только замѣтилъ на заглавномъ листѣ: „переводъ съ иностраннаго“. Переводъ посвященъ Левашову:

Измѣненія значительны: вступленіе Галятовскаго сокращено, отброшены ссылки на источники, выброшено обвиненіе евреевъ въ разныхъ преступленіяхъ и сокращено число „знаковъ“, т. е. прообразовъ Мессіи (19 вмѣсто 24) ¹⁾.

Послѣ „Предмовы“ находится 1) благословеніе и похваленіе кiev. митр. Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго 1669 г., 2) благословеніе и похваленіе черниг. архіеп. Лазаря Барановича, 3) похваленіе игумена минскаго монастыря, Іосифа Ходоповича, 18 окт. 1667 г. и 4) стихотворная похвала ректора и игумена кievо-братск. монастыря Варлаама Ясинскаго. Интересна хронологическая дата при похваленіи Ходоповича, свидѣтельствующая во первыхъ о томъ, что Галятовскій давалъ свое сочиненіе въ рукописи для прочтенія выдающимся православнымъ духовнымъ лицамъ, во вторыхъ, что „Мессія правдивый“ былъ составленъ не позже половины 1667 года. Благословенія и похваленія были одною изъ отличительныхъ чертъ литературныхъ правовъ XVII в. Аппробація были обычны и въ Польшѣ. Съ одной стороны онѣ имѣли характеръ цепзурнаго одобренія, съ другой стороны служили своего рода рецензіей со стороны лица авторитетнаго, предварительно расположеннаго къ одобрителному отзыву о сочиненіи.

Для Малороссіи искони два обстоятельства составляли несчастье. Во первыхъ ея бѣдственное топографическое положеніе: Малороссія—„горохъ при дорогѣ“. Много разъ расхищали ея достояніе добрые и недобрые сосѣди. Разные народы толкались по ней, въ ущербъ ея національной самостоятельности, ея культурному благосостоянію. Во вторыхъ въ этнографическомъ составѣ малорусскаго населенія издавна весьма значительный процентъ составляютъ евреи, племя всегда внутренне презиравшее пріотившій его народъ, всегда дѣйствовавшее въ ущербъ туземному населенію. Евреи проживали въ южной Россіи со времени глубокой древности. По временамъ они настолько усиливались и такъ эксплуатировали мѣстное, крѣпное, собственно украинское населеніе, что вызвали возстанія и погромы. Въ 1113 г., по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ былъ погромъ евреевъ. Въ началѣ XVI в. малороссы изби-

¹⁾ Одинъ экземпляръ этого перевода находится въ бібліотекѣ харьковской духовной семинаріи.

вали евреевъ. При Богданѣ Хмельницкомъ произошло безпощадное избиеніе евреевъ въ предѣлахъ Малороссіи, и народъ сложилъ веселую пѣсеньку:

Та не буде лучше,
Та не буде краще,
Якъ у насъ на Украині;
Нема жида, нема ляха,
Нема и уни.

Отсутствіе евреевъ было непродолжительно. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія они снова стали появляться въ казацкой странѣ, привлекаемые откупамъ съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами доходовъ.

Во второй половинѣ XVII в. среди южно-русскихъ евреевъ обнаружилось сильное волненіе, вызвавшее сочиненіе Галятовскаго „Мессія правдивый“. „Въ 1666 г., говорится въ предисловіи къ „Мессіи“, во всей Малороссіи, въ в. княжествѣ литовскомъ, въ Польшѣ и въ пограничныхъ странахъ жидовское невѣріе высоко подняло свои рога. На Востокъ, въ Смирнѣ появился лже-мессія Сабефа. Онъ увлекъ жидовъ ложными чудесами и обѣщалъ имъ возвратити Іерусалимъ и Палестину и освободити ихъ отъ подчиненія христіанскимъ народамъ. Жиды надѣялись, что Сабефа возьметъ ихъ на облако и перенесетъ въ Іерусалимъ. Они постили по нѣсколько дней въ недѣлю, въ зимнее время купались въ проруби, произнося новосоставленную молитву, отчего иные простудились и умерли. Днемъ и ночью жиды ходили въ синагогу и молились о скорѣйшемъ пришествіи Мессіи. Жиды стали смѣяться надъ христіанами и грозить имъ, говоря: мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы и всѣ вообще сильные христіане будутъ у жидовъ пастухами, жнецами, работниками, будутъ рубить дрова и топить печи, и все дѣлать, что прикажутъ жиды, должны будутъ принять жидовскую вѣру и поклониться мессіи Сабефѣ и его пророку Нааану Леви“. Жиды смѣялись и надъ Іисусомъ Христомъ. Нѣкоторые малодушные христіане начали сомнѣваться, дѣйствительно ли Іисусъ Христосъ настоящій Мессія, начали даже склоняться мыслью къ жидовскому лже-мессіи. Движеніе, вызванное среди украинскихъ евреевъ появленіемъ на Востокѣ Сабефы, было настолько значительно, что на него обратили

вниманіе и малорусскіе лѣтописцы. „Того жъ року (1666), говорить Самуилъ Величко, въ панствѣ турецкомъ, нѣякійсь Сабета, начальникъ жидовскій, провозгласилъ былъ себя лживаго мессіаши, котораго турчинъ вскорѣ велѣлъ поймати и повѣсити на шебеницѣ“¹⁾. Въ шестидесятихъ годахъ XVII ст., до выхода въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“, въ южной Россіи было уже составлено неизвѣстнымъ лицомъ сочиненіе противъ Сабеты, подъ заглавіемъ: „Дивный початокъ и страшный конецъ“. Галатовскій пользовался этимъ сочиненіемъ при составленіи своего „Мессіи правдиваго“²⁾.

При составленіи сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ Галатовскій пользовался письменными и устными источниками. Главные письменные источники: муч. Юстинъ, Іоаннъ Златоустъ, Юліанъ Померій, Павелъ Буржскій, Маркъ Корина, Іоаннъ Людовикъ, Тома Брюссельскій и Цезарь Бароній. „Для уясненія жидовскихъ мнѣній о Мессіи, говоритъ Галатовскій, я ѣздилъ по разнымъ городамъ и селамъ, нарочито разговаривалъ съ учеными жидами о Мессіи, доказывалъ имъ истинность Іисуса Христа, какъ Мессіи, и отмѣчалъ ихъ нелѣпыя отвѣты... Мнѣ пріятель мой трудъ, хотя для составленія его я ѣздилъ по неудобнымъ и небезопаснымъ дорогамъ въ Малороссіи и в. кн. литовскомъ, претерпѣвалъ ущербъ здоровья, подвергался возможности быть убитымъ, и все это я терпѣлъ, во первыхъ, по примѣру Іисуса Христа, который много потрудился для міра, и во-вторыхъ, въ надеждѣ получить небесное царство“.

¹⁾ С. Величко, Лѣтопись. II, 37.

²⁾ Подробности о Сабетѣ Цви см. въ соч. „Iost'a, Geschichte des Judenthums und seiner Sekten“. Плохое сокращеніе этого сочиненія сдѣлано было на русск. языкѣ, и вышло въ Москвѣ въ 1864 г. О С. Цви была еще статья въ «Восходѣ» 1882 г.—Сабетей Цви родился въ Смирнѣ въ 1641 г. Семь лѣтъ онъ сталъ уже рассказывать, что ему снятся чудесные сны; звѣри ему кланяются, ангелы наставляютъ его врачебной наукѣ. Онъ ознакомился съ Талмудомъ и Кабалой и назвалъ себя мессіей. Раввины возстали противъ него и изгнали изъ Смирны. Цви отправился въ Салоники, потомъ въ Іерусалимъ, наконецъ въ египетскую Александрію, проповѣдь его имѣла громадный успѣхъ. Въ 1664 г. у него было до 75.000 послѣдователей, въ Константинополь, Палестинѣ, Аравіи, Египтѣ, Ливнѣ, Польшѣ. Турецкое правительство обратило вниманіе на Цви. Онъ былъ вызванъ къ султану. Угрозою смертной казни его принудили принять пеламъ. Лже-мессія сошелъ со сцены; но его послѣдователи, въ особеннѣсти лже-пророкъ Паопъ, еще долго волновались. Движеніе окончателно улеглось въ началѣ восемнадцатаго вѣка.

„Мессія правдивый“ раздѣляется на двѣ неравномѣрныя части. Въ первой, бѣльшей части Галатовскій выдвигаетъ тяжелую аргументацію изъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, исполнившихся на Христѣ; во второй части говорится о ветхозавѣтныхъ „знакахъ“ и сивиллинныхъ пророчествахъ, подтверждающихъ божественность Спасителя. Всѣхъ пророчествъ въ „Мессіи правдивомъ“—50, прообразовъ, знаковъ 24. Объ однихъ пророчествахъ говорится на многихъ страницахъ, о другихъ въ пяти или шести строкахъ.

Схема сочиненія о „Мессіи правдивомъ“ была давно уже готова у Галатовскаго. Въ „Ключѣ разумнїа“ казаніе на Преображеніе Господне состоитъ въ краткомъ изложеніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ. Въ „Мессіи правдивомъ“ эти пророчества изложены подробно, и въ объясненіе пророчествъ вставлены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о воплощеніи Слова и другихъ догматахъ христіанскихъ. Эти трактаты совершенно механически вставлены въ рядъ объясненій пророчествъ и не имѣютъ съ послѣдними внутренней связи; каждый трактатъ легко могъ-бы пойти за отдѣльное сочиненіе.

Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, преимущественно во второй его части, въ объясненіи 18 „знака“, говорится о „злостяхъ жидовскихъ“. Такъ, въ объясненіи 31 и 4 пророчествъ говорится о томъ, что евреи однажды расняли христіанина въ великую пятницу, убиваютъ христіанскихъ дѣтей и выпѣживаютъ изъ нихъ кровь для лѣченія больныхъ или для цѣлей волшебства. Въ изъясненіи 18 „знака“ евреи обвиняются въ шпионствѣ во время войны, въ отбираниіи у христіанъ плутовскими средствами въ мирное время имущества, въ отравленіи колодцевъ, въ примѣшиваніи въ лѣкарства яда, во взиманіи большихъ процентовъ, въ отниманіи у христіанъ церквей, въ ненависти къ выкрестамъ, въ склоненіи русскихъ служакъ въ іудейскую вѣру, въ выдаваніи у женщинъ христіанокъ молока на чары.

Отношеніе Галатовскаго къ евреямъ, разумѣется, враждебно. Но ненависть Галатовскаго къ евреямъ не заходила такъ далеко, какъ ненависть польскихъ писателей іезуитовъ. „Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Персіи, говоритъ Тома Млодзяновскій, польскій познанскій проповѣдникъ, прежній еще король Абасъ созвалъ въ одно время всѣхъ жидовъ и спросилъ

ихъ: скоро-ли прійдетъ Мессія? Жиды отвѣчали въ одинъ голосъ: да, мы ожидаемъ Мессію! Король сказалъ имъ на это: сказки! напрасно только вы себя обманываете. Или дѣлайтесь магометанами, или прочь изъ моего царства. Жиды начали просить срока на 70 лѣтъ; если, сказали они, не прійдетъ Мессія въ продолженіи 70 лѣтъ, тогда мы уже исполнимъ приказаніе вашей королевской милости. Жиды дали въ этомъ росписку. Въ бытность мою въ Персіи нашель упомянутую росписку эт-мадулетъ, т. е. канцлеръ персидскій, и напомнилъ о ней королю. Король поручилъ ему это дѣло. Тотъ созываетъ жидовъ и спрашиваетъ ихъ: а, что? пришелъ Мессія? Услышавъ отъ жидовъ, что Мессія не пришелъ, онъ показаль имъ упомянутую росписку и отъ имени короля приказаль или принять магометанство, или удалиться изъ государства“. На размышленіе евреямъ данъ былъ одинъ годъ; потомъ срокъ этотъ былъ немного продолженъ. „Если обратитесь въ магометанство, сказалъ эт-мадулетъ евреямъ, то каждому мужчинѣ король даетъ сто абасы, или злотыхъ, и халатъ, а каждой жепцинѣ 50 абасы“. Но жиды по старому не хотѣли ни на что рѣшиться. Тогда, при наступленіи тѣхъ мѣсяцевъ, когда особенно свирѣпствуютъ холодные вѣтры и приморозки, приказано было имъ подъ страхомъ смерти выйти изъ города; приказано подъ страхомъ смерти никому не принимать ихъ и подъ страхомъ смерти не давать имъ ни хлѣба, ни огня. И что же? Когда начали умирать дѣти, женщины и старики, всѣ жиды должны были пристать къ магометанской вѣрѣ. Чья же ревность къ вѣрѣ большая, турецкая или христіанская? Страшно будетъ на страшномъ судѣ христіанамъ отъ того, что язычники и магометане болѣе дѣлають для своего невѣрія, чѣмъ мы для нашей вѣры“¹⁾. Тяжелое впечатлѣніе производитъ нарисованная Млодзяновскимъ картина жестокаго гоненія за вѣру, тяжелое тѣмъ болѣе, что польскій проповѣдникъ желаетъ этого гоненія, приглашаетъ къ нему христіанъ. Какъ ни искалѣченъ былъ Галатовскій узкой схоластической школой, въ его душѣ не было мѣста для такого человѣконенавистничества, какое оказалось въ полякѣ іезуитѣ. Южно-русскій ученый отвергалъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство. „Въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, гово-

¹⁾ Маѣвничъ, «Груды к. д. ак.» 1870. Июль. 179—181.

рить онъ въ объясненіи 24 пророчества, принужденіе не должно имѣть мѣста. Должна быть употреблена кротость и снисхожденіе; должно быть употреблено непрестанное чтеніе слова Божія и тщательное изясненіе оного“. Странно читать эти свѣтлыя выраженія у писателя XVII в., у кievскаго ученаго схоластика. Проблеснувшая въ этихъ выраженіяхъ вѣро-терпимость и гуманность свидѣтельствуютъ о высокомъ нравственномъ уровнѣ Галатовскаго, сдумываго подъ тяжелымъ бременемъ злостной и сухой схоластики сохранить въ глубинѣ души живое чувство любви къ человѣку.

Догматическое ученіе въ „Мессіи“ раскрывается не всегда убѣдительно, но почти всегда ясно, иногда образно, съ приведеніемъ подобій изъ міра физическаго. Положительная сторона христіанства излагается въ отвѣтахъ христіанина на вопросы еврея, въ которыхъ выражено отрицательное отношеніе къ христіанству. Въ изложеніи отрицательныхъ возраженій и замѣчаній еврея обнаруживается ученая добросовѣстность Галатовскаго. Христіанинъ апологетъ не скрываетъ вѣскихъ возраженій еврея и опровергаетъ ихъ по силѣ разумнія. Галатовскій довольно подробно останавливается на мнѣніяхъ противниковъ христіанскихъ истинъ и рядомъ своихъ опроверженій возобновляетъ въ общественномъ сознаніи религіозную истину.

Краевой національный элементъ въ „Мессіи правдивомъ“ такъ-же ничтоженъ, какъ и въ предыдущихъ сочиненіяхъ Галатовскаго, „Ключъ“ и „Небъ“. Какъ писатель схоластикъ, далекій отъ народныхъ интересовъ, Галатовскій останавливается исключительно на такихъ проявленіяхъ еврейской „злости“, которыя обнаружались въ Германіи, Франціи, Италіи. Такъ, говоря о томъ, что евреи берутъ слишкомъ большіе проценты, Галатовскій приводитъ примѣръ изъ римской исторіи временъ Тита Флавія; при указаніи на ненависть евреевъ къ выкрестамъ приводится примѣръ изъ западно-европейскаго прошлаго. Какъ проявлялась „жидовская злость“ въ Малороссіи, на глазахъ самаго автора, въ „Мессіи правдивомъ“ не говорится.

Полемическій тонъ Галатовскаго довольно мягкій. Вообще, южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. не такъ суровы и рѣзки въ своихъ выраженіяхъ, какъ южно-русскіе писатели первой половины XVII в. Изъ полемическихъ сочиненій конца XVI ст. узнаемъ, что Кириллъ Терлецкій вывезъ изъ Рима скабрзныя кар-

тишки, или что Стефанъ Зизаній не зналъ, кто его отецъ ¹⁾). Въ особен-ности суровыми полемистами и обличителями являються Іоаннъ Вишепскій, въ интересахъ тѣхъ, „що з одной мисочки борщикъ хлеб-чуть и сами собі господа и слуги суть“, поражавшій упіатскихъ епископовъ тяжеловѣсными обвиненіями въ развратѣ, роскоши, и же-стокости, и Евсевій Пимпъ (Петръ Могила), постоянно напомина-ющій въ „Листоѣ“ своему противнику Кассьяну Саковичу, что у него нѣтъ одного уха, что другое его ухо будто бы свиньи съѣли, что онъ толстобрюхій, дурень и т. д. Западно-русскіе писатели, перешедшіе въ Москву, также были неводержны на языкъ. Такъ, современникъ Галатовскаго, Симеонъ Полоцкій, въ „Жезлѣ прав-ленія“, написанномъ противъ Никиты Пустосвята, цѣлью своего сочиненія ставитъ: „обезглавить сего Голіафа, то же уди его и вся тѣлеса полчища его птицамъ и звѣрямъ отдати“ (листъ 18). И достается же этому несчастному Голіафу! Никита Пустосвятъ оказывается скотоумнымъ, окаяннымъ, свиньей. ²⁾). Рѣзкость выра-жений подрывала значеніе разумнаго слова, производила ожесточе-ніе и возбуждала наклонность къ кулачной расправѣ. Во второй половинѣ XVII ст. Лазарь Барановичъ созналъ дурныя стороны полемическаго задора и литературной брани. Онъ самъ воздерживался отъ этихъ недостатковъ и старался воздержатъ другихъ южно-русскихъ писателей. „Если въ чемъ не соблюдепо вѣжливости, пи-салъ Барановичъ И. Гизелю въ 1670 г., посылая ему свой отвѣтъ на книгу іезуита Боймы противъ православія, то, чтобы онъ (т. е. Бойма) не считалъ насъ невѣждами, я не прочь что либо и обрѣ-затъ“. Въ письмѣ къ Феодосію Сафоновичу 1670 года Барановичъ говоритъ, что въ своемъ отвѣтѣ Боймѣ онъ „клеймилъ его, но безъ посмѣянія, острилъ, но безъ колкости“. Въ письмѣ къ И. Гизелю 1671 г. Барановичъ говоритъ, что „нужно дѣло свое вести спо-койно, какъ должно, или даже съ уваженіемъ“. Въ письмѣ къ И. Гизелю отъ 18 дек. 1672 г. Барановичъ говоритъ: „писать задори-сто я не совѣтую, и самъ такъ не пишу, а развѣ гдѣ-либо слегка уколю остро того; но и тутъ, по обыкновенію моему, тотъ-же часть ограничиваю, высказавши впрочемъ свое“ ³⁾). Галатовскій слѣдо-

¹⁾ Колловичъ, Литов. церк. унія. II. 34.

²⁾ Л. Майковъ, „Древ. и нов. Россія“ 1875.

³⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 103, 107, 156 и 180.

валъ этому благоразумному совѣту своего стараго наставника, друга и покровителя. Въ „Мессіи правдивомъ“ онъ только изрѣдка позво-ляетъ себѣ „уколоть остро“ противника, назвавъ его глупымъ (напр., въ объясненіи 12 пророч.). Въ „Бѣлоцерковской Бесѣдѣ“ Галатовскій обнаруживаетъ самую тонкую вѣжливость, очевидно потому, что бесѣда происходила въ многочисленномъ собраніи знат-ныхъ лицъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ „Мессіи правдиваго“ общественное положеніе Галатовскаго измѣнилось къ лучшему. Галатовскій по-лучилъ мѣсто игумена черниговскаго елецкаго монастыря. Назна-чая Галатовскаго игуменомъ елецкаго монастыря, Барановичъ, можно думать, руководствовался не только дружескимъ къ нему расположеніемъ, какъ къ своему талантливому ученику и едино-мысленнику, но и желаніемъ приблизить къ себѣ въ лицѣ Гал-атовскаго человѣка ученаго и искуснаго въ религіозно-полемическихъ бояхъ. Барановичъ именно въ это время, въ концѣ 60 и въ началѣ 70 годовъ нуждался въ совѣтѣ и содѣйствіи ученыхъ людей. „Какъ-то на дняхъ, писалъ онъ И. Гизелю въ 1671 г., отыскалъ я въ московскихъ правилахъ (кормчей) помѣстнаго собора сардикійскаго правило 344. Тамъ на листѣ 109 судъ предоставляется римскому папѣ. Прикажете, ваша пречестность, прочитатъ его себѣ. Когда пре-столь константинопольскій сравнепъ въ правахъ съ престоломъ рим-скимъ, то и судъ долженъ быть равный; мнѣ хотѣлось-бы сообра-жаться въ моей „Мѣрѣ“ (рѣчь идетъ о сочиненіи „Nowa ~~Ma~~ga starey wiary“) съ вами и отъ васъ, не краснѣя, поучатся. Лучше-же намъ поправить свои труды тихонько между собою, нежели возьмутъ ихъ на зубы, а потому должно ихъ хорошо выточить, такъ чтобы было чѣмъ заняться, когда начнутъ грызть; пужно та-кую имъ приготовить кость, чтобы имъ съ горлѣ стала“ ¹⁾). Гал-атовскій болѣе, чѣмъ что-либо другой, болѣе, чѣмъ И. Гизель, могъ помочь Барановичу въ составленіи „Новой Мѣры“, по своей начи-татности и литературно-полемической опытности. Въ семидесятыхъ годахъ Галатовскій дѣлается правой рукой Барановича почти во всѣхъ его дѣлахъ, въ особенности въ дѣлахъ хозяйственныхъ епар-хіальныхъ.

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 156.

Отноительно возведенія Галятівскаго въ санъ архимандрита Барановичъ встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, точнѣе сказать, задержку, со стороны м. Нелюбовича—Тукальскаго, не долюбивавшаго Галятівскаго, какъ ученика и сторонника Барановича, и со стороны гетмана Многогрѣшнаго, не имѣвшаго ни времени, ни охоты заниматься собственно церковными дѣлами Малороссіи. Въ письмѣ 14 апрѣля 1679 г. Барановичъ писалъ Галятівскому: „слово мое посвятить васъ въ санъ архимандрита я подтверждаю дѣломъ, если Богъ поможетъ моей помощи“. „Безъ затрудненій, говорится въ другомъ письмѣ Барановича къ Галятівскому 1669 г., полагаемыхъ его милостію (митр. Нелюбовичемъ Тукальскимъ), и моя хотя слабая голова сдержала-бы для васъ слово. Напоминалъ я въ Глуховѣ пану гетману о томъ, что хочу возвысить васъ въ санъ; но онъ какъ-то глухо это принялъ; даже и другимъ отцамъ игуменамъ не хотѣлъ подтвердить царскихъ грамотъ, откладывая до окончательнаго мира“¹⁾. Благословенная грамота Галятівскому отъ Барановича на елецкую архимандрію дана была 9 августа 1669 г. Въ грамотѣ говорится, что „на высокой тотъ архимандрической степенъ“ Барановичъ возводитъ „змежы прочихъ годнаго быти, значе заслуженного, въ наукахъ письма святаго добре выщичоного и въ житіи иноческомъ искусства, поважного мужа, пречестнаго господина отца Іоанникія Галятівскаго, ... абы южь на той прееминенціи певнымъ строителемъ, правителемъ и господаремъ помепеннаго старожитнаго монастыря архимандріи черпиговской зостаючи около строенія его оздобы, порядку и палежитого хвалы Божой отпированья вседушнаго имѣлъ попеченіе, яко-бы за его диспозованьемъ, промысломъ и печаловитостію мѣсце тое святое пустыни, яко красенъ кринь, во чести Господу Богу и въ похвалу имени пречистой госпожи Богородицы проквѣтнуло“... Благословенная грамота Барановича Галятівскому вполнѣ напечатана въ „Исторіи російской іерархіи“ Амвросія²⁾.

Елецкій успенскій мужескій 1-го класса монастырь находится подъ Черниговомъ на Болдинскихъ горахъ. Строителемъ монастыря считаютъ князя Святослава, сына Ярослава мудраго. Сѣдая древность придала монастырю величіе. Галятівскій дорожилъ историче-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, 28—83, 89.

²⁾ Амвросій, Ист. рос. іерарх. VI, 504—511.

скими сказаніями и предаіями о монастырѣ. Онъ принялъ къ свѣдѣнію письменныя, документальныя свидѣтельства о монастырѣ, заключающіяся въ Патерикѣ и елецкомъ Синодикѣ. Кромѣ того, Галятівскій распрашивалъ стариковъ о прошломъ монастыря и обращался письменно съ вопросами къ потомкамъ Святослава Ярославича, князьямъ Одоевскимъ и Воротынскимъ. Въ селѣ Сомовѣ что между Сѣвскомъ и Карачевымъ, пишетъ Галятівскій въ „Скарбницѣ“, жили два брата, священникъ Симеонъ и священникъ Теофанъ, старый до того, что ему было болѣе ста лѣтъ; въ Тупичевѣ Авдей Дорофеевичъ имѣетъ до 150 лѣтъ; въ Черниговѣ Максимъ Костомакъ 110 лѣтъ; эти старцы рассказывали намъ въ 1676 г... Сила Денисовичъ Вохня, черпиговскій житель, которому было 200 лѣтъ (?), отъ старости слѣпой и глухой, рассказывалъ намъ“... Далѣе слѣдуютъ сообщенія стариковъ, что монастырь нѣкогда былъ окруженъ палими, куполы покрыты дубовыми досками и проч. На основаніи письменныхъ свидѣтельствъ и народныхъ предаій о монастырѣ, Галятівскій составилъ въ 1676 г. „Скарбницу потребную и пожитечную всему свѣту“¹⁾. Здѣсь перечисляются архимандриты елецкаго монастыря и 32 чуда отъ елецкой иконы Богородицы. Книга посвящена гетману Самойловичу. Къ „Скарбницѣ“ приложена „Вѣлоцерковская бесѣда“.

Галятівскій заботился о благоустройствѣ ввѣренной его попеченіямъ обители. Въ первые четыре года своего игуменства онъ очищалъ щелеви снаружи и внутри елецкой церкви, исправилъ фрамуги подъ хоромъ и столбы между окнами въ большемъ куполѣ, построилъ каменную трапезу и каменную церковь. Въ началѣ семнадцатаго вѣка, когда елецкій монастырь находился во власти униатовъ, по словамъ Галятівскаго „неразумныи звѣрята и птахи въ немъ гнѣзда себѣ чинили“. Галятівскій реставрировалъ монастырь при дѣятельномъ содѣйствіи малорусской старшины и московскаго царя. Четырьмя универсалами 1669, 1670 и 1671 годовъ Многогрѣшный утвердилъ за монастыремъ разныя маестности. Самойловичъ также благотворилъ елецкому монастырю. Въ 1672 г. онъ выдалъ монастырю утвердительную грамоту на маестности. Въ особенности усерднымъ жертвователемъ явился черниговскій полковникъ, впо-

¹⁾ Одинъ экз. «Скарбницы» находится въ бібліотекѣ Хлудова.

лѣдствіи и генеральный обозный Дунинъ—Борковский, давшій деньги на постройку каменной трапезы ¹⁾).

Задолго еще до Галятовскаго, разные попрошайки греческаго происхожденія проложили дорожку въ Москву. Со времени присоединенія восточной Малороссіи къ московскому государству по этой дорожкѣ охотно пошли южно-русскія духовныя лица. Ранѣе Галятовскаго въ Москвѣ побывали Лазарь Барановичъ, епископъ метиславскій Меодій, нѣжинскій протопопъ Адамовичъ. Барановичъ направилъ Галятовскаго въ Москву: „ты жалусься, писалъ онъ Галятовскому въ 1670 г., что тебѣ неоткуда взять гроша и даже шеляга ²⁾“. Но, находясь подъ державою государя, надобно иначе выражаться и стараться о копѣйкахъ, а не о шелягахъ“ ³⁾). Галятовскій ѣздилъ въ Москву съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Барановича. Изъ сохранившейся въ елецкомъ монастырѣ записки видно, что Галятовскій „великую ласку, 50 рублей, 13 струговъ для огороженія монастыря, 7 фелоней съ епитрахиями, 5 стихаровъ съ орорами въ разногъ блавату изъ сереброглаву и златоглаву, три диспоса, звѣзду, копію, келихъ, ложку одъ серебра съ позолотою, кадильницу сребную и сребный крестъ злочиственный, евангеліе, открытое аксамитомъ рытымъ и серебромъ злочистымъ приоздобленное, съ иными книгами церковными, отъ царскаго величества одержалъ“ ⁴⁾). Въ Москвѣ Галятовскій сказалъ царю привѣтственное слово и въ дворцовой церкви произнесъ проповѣдь. Все это было сказано въ концѣ 1670 года, а не въ 1671 годѣ, какъ значится у архіепа Филарета ⁵⁾). Къ первому числу января 1671 года Галятовскій былъ уже на родинѣ. Въ письмѣ къ думному дворянину Артамону Матвѣеву отъ 1 января 1671 г. Галятовскій сообщаетъ о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Черниговъ и проситъ ходатайствовать о выдачѣ ему изъ царской казны ста рублей на печатаніе „Мессіи“ на польскомъ и латинскомъ языкахъ“ ⁶⁾). Въ письмѣ Галятовскаго рѣчь идетъ о второмъ польскомъ изданіи „Мессіаша“, которое на-

¹⁾ Истор.-стат. Опис. черниг. епархіи. III. 16.

²⁾ Шелягъ—польская мѣдная монета въ поль-копѣйки.

³⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 100—101.

⁴⁾ Амвросій, Ист. рос. іерархіи. 1815. VI. 495.

⁵⁾ Филаретъ, Обзоръ дух. литер. I, 286.

⁶⁾ Акты южн. и зап. Россіи, IX, 333—335.

чало печататься, судя по письму Галятовскаго, въ 1671 г. передъ великимъ постомъ, а вышло въ свѣтъ въ 1672 г. ¹⁾). Сношенія Галятовскаго съ Москвой и царскія милости Галятовскому не прекращались. Въ 1672 г. Галятовскій просилъ царя о дарованіи монастырю жалованной грамоты на маестности. 18 іюня 1672 г. князь Ромодановскій, по случаю рожденія Петра Алексѣевича, роздалъ малорусскимъ военачальникамъ и духовнымъ лицамъ подарки: Самойловичу соболей на 170 рублей, обозному на 70 руб., судьямъ и полковникамъ на 60 руб. каждому, Барановичу на 50 руб., нѣжинскому протопопу Адамовичу на 28 р. Галятовскій получилъ маловато, всего 2 пары соболей на 12 руб. Галятовскій напоминалъ о себѣ просьбами. Такъ, не получивъ еще ²⁾ отвѣта на челобитную 1671 г., Галятовскій 4 іюля 1672 г. посвящаетъ царю второе изданіе „Мессіи“ на польскомъ языкѣ и въ письмѣ къ царю напоминаетъ ему о его обѣщаніи построить въ елецкомъ монастырѣ каменную церковь и, пока суть да дѣло, просить у царя пособіе на „поправленіе и побѣлѣніе вапномъ церкви пресвятой Богородицы елецкой, на покрытіе купола, на звонъ и паникадилъ“ ³⁾). Вскорѣ послѣ этого письма 1 августа 1672 г. Галятовскій получилъ отъ царя утвердительную грамоту на монастырскія маестности ⁴⁾). Галятовскій писалъ патриарху Іоакиму, чтобы онъ напомнилъ царю Ѳеодору Алексѣевичу о нуждахъ елецкаго монастыря ⁵⁾).

Поддерживая дѣятельныя сношенія съ Москвой въ интересахъ монастыря елецкаго, Галятовскій и на мѣстѣ своего постоянного жительства въ черниговщинѣ велъ жизнь дѣятельную, участвовалъ въ встрѣчѣхъ и въ богослуженіи александрийскаго патриарха Пасія, пробывшаго нѣкоторое время въ Черниговѣ, на обратномъ пути изъ Москвы въ Египеть, въ августѣ 1669 года ⁶⁾, въ 1672 г. присутствовалъ въ Козачьей Дубравѣ при избраніи Ивана Самойловича въ гетманы ⁷⁾, въ 1676 г. обсуждалъ спорное дѣло

¹⁾ Wiszniewski. Hist. liter. VIII. 395.

²⁾ Акты ю. п. з. Россіи. IX, 951.

³⁾ Акты ю. п. з. Россіи. XI, № 3.

⁴⁾ Амвросій. Ист. рос. іерархіи. VI. 497.

⁵⁾ Рукопись въ моск. общ. пст., № 98.

⁶⁾ Акты ю. п. з. Россіи IX, № 12, стр. 54.

⁷⁾ Акты ю. п. з. Россіи. IX, 957; XI, 2.

Барановича съ Симеономъ Адамовичемъ о церковныхъ маестностяхъ, приче́мъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами подписался подъ приговоромъ войсковаго суда 1677 г. о низложеніи Адамовича съ протопопа и о заключеніи его въ монастырь за клевету и неосновательный доносъ на Самойловича¹⁾:

Галятовскій въ политическихъ дѣлахъ обнаруживалъ честность и осторожность. Когда братъ Демьяна Многогрѣшнаго Василій, спасаясь отъ московскихъ ратныхъ людей, искалъ въ 1672 г. убѣжища въ елецкомъ монастырѣ и спрашивалъ у Галятовскаго совѣта, что ему дѣлать: ѣхать къ воеводѣ или бѣжать далѣе, Галятовскій отвѣтилъ: „Какъ де себѣ хочешь, побѣги далѣе, а здѣсь де тебѣ дѣлать нечего“. Василій Многогрѣшный изъ елецкаго монастыря бѣжалъ за Десну и нѣкоторое время скрывался въ никольскомъ и максаконскомъ монастыряхъ, пока не былъ въроломно выданъ въ руки воеводы кіево-братскимъ ректоромъ, у котораго просилъ убѣжища²⁾.

Во второй половинѣ XVII столѣтія главными врагами малоруссовъ были поляки и турки. Противъ этихъ угнетателей Украины направлены главныя сочиненія Галятовскаго съ 1669 года. Воспользовавшись безопаснымъ положеніемъ елецкаго монастыря, до котораго не только туркамъ, но и полякамъ по дальности расстоянія трудно было добраться, Галятовскій злымъ латинскимъ и униатскимъ писателямъ нанесъ нѣсколько ловкихъ полемическихъ ударовъ. Онъ удостоился съ ихъ стороны почти такой-же лютой ненависти, какую лѣтъ на восемьдесятъ ранѣе вызвалъ славный защитникъ православія, авторъ „Апокрисиса“ Христофоръ Бронскій.

Въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы, въ которомъ онъ старался доказать, что православная вѣра не есть древняя вѣра³⁾. Католики такъ высоко цѣнили это сочиненіе, что дали Боймѣ наименованіе „Benedictus“. „Спорный вопросъ, поднятый Боймой“, писалъ Барановичъ И. Гизелю, „не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать

па него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ немного такихъ, которые умѣли бы разсуждать правильно“. Въ другомъ письмѣ къ И. Гизелю Барановичъ находитъ, что „Бойму слѣдуетъ хорошо прошколить, чтобы онъ зналъ, что и въ непроевѣщенной Россіи есть свой разумъ“. Въ письмѣ къ Θεодосію Софоновичу 1670 г. Барановичъ признаетъ, что „Старая вѣра“ Боймы многихъ засушила въ Литвѣ¹⁾. Архимандритъ московскаго Симонова, потомъ повгородскаго Юрьева монастыря Гавриилъ Домецкій въ письмѣ своемъ къ новгородскому митрополиту Юву 1706 г. пишетъ, что на защиту православія отъ латино-униатовъ „отъ малороссійскія церкви православныя были избраны извѣстные богословы, архіеп. черниг. Лазарь, да архимандритъ І. Галятовскій, которые и учили ихъ чиномъ философскимъ и богословскимъ отвѣтъ подобающій“²⁾. Ту роль, которую Домецкій приписываетъ малорусской церкви вообще, въ дѣйствительности разыгралъ одинъ Барановичъ. Онъ не только лично выступилъ противъ Боймы, но выдвинулъ противъ него Галятовскаго и Гизеля и хотѣлъ еще побудить къ полемикѣ съ Боймой Софоновича. Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой Мѣры“, Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стоившій трудъ“ и „приложить своего огня; если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то выпутъ изъ поженъ мечъ и сразиться съ Боймой..... Спасайте, спасайте! вопіетъ церковь къ сынамъ своимъ, — возражайте на „Старую Вѣру!“³⁾.

„Nowa miara starey wiary“ Барановича вышла въ 1676 г. въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Въ началѣ книжки находится изреченіе изъ Св. Писанія, предисловія къ Богородицѣ и читателю и обращеніе къ Боймѣ. „Новая Мѣра“ распадается на двѣ части; въ первой части говорится о власти римскихъ папъ, во второй объ исхожденіи св. Духа отъ Отца. Вся книжка въ 354 стран. пересыпана макаронизмами и пустыми виршами⁴⁾.

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, 209; Акты ю. п. з. Россіи, XII, 669, 672, 860—862.

²⁾ Акты, ю. п. з. Россіи, IX, № 147., стр. 790.

³⁾ Подлинное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dyzuniej trwają, starey wiary nie mają“.

¹⁾ Письма Лаз. Барановича 104, 110, 107 и 103.

²⁾ Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1846. I. 37 и 69. Примѣч., цит. въ примѣч. къ Письмамъ Лаз. Барановича, 155 стр.

³⁾ Письма Лаз. Барановича, 104.

⁴⁾ Одинъ экз. „Новой Мѣры“ Барановича находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

Галятковскій принялся за составленіе возраженія Боймѣ почти одновременно съ Барановичемъ. „Моя *Мѣра* такъ плодovита“, писалъ Барановичъ Гизелю 13 авг. 1671 г., „что уже третьяго цыпленка вывела.... Я сколько желаю того, чтобы всѣ прочитали отвѣтъ вашъ Боймѣ, сколько и мое (сочиненіе), какъ Лазарево, хотя и гнило, но для меня мило. Къ намъ, слава Богу, летитъ со своими перушками архимандритъ мой черниговскій. Если свѣтъ ничего не увидитъ, то не избѣгнемъ посмѣянія. Изъ этой миги выйдутъ три фиги; пускай они достанутся противникамъ; другаго чего нибудь они не стоятъ, какъ только, сложивши имъ пальцы съ перьями¹⁾, накормитъ ихъ такою фигою.... Вы нашъ Аристотель; почему же на ихъ вызовъ и намъ не отозваться; и они не снимаютъ звѣздъ съ неба; нужно только напередъ посогласоваться между собою“²⁾.

„Фига“ Галятковскаго произрастала цѣлыхъ семь лѣтъ. Лишь въ 1678 г. вышелъ его отвѣтъ Боймѣ подъ заглавіемъ: „Stary kosciół zachodni novemu kosciółowi rzymskiemu pochodzenie Duchu S. od Ojca samego, nie od Syna pokazuje (Древняя Западная церковь показываетъ новой римской церкви исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца, а не отъ Сына)³⁾. Сочиненіе Галятковскаго направлено не только противъ Боймы, но и противъ вышедшаго послѣ „Старой вѣры“ Боймы „Трибунала“ Николая Циховича. Прежде чѣмъ выпуститъ въ свѣтъ свое сочиненіе, Галятковскій сдѣлалъ попытку выпросить у московскаго царя денежное вспоможеніе. „Азъ хочу отвѣтъ дати о православной вѣрѣ нашей латинамъ,“—писалъ Галятковскій царю Ѳеодору Алексѣевичу,—„клеветующимъ и злословящимъ насъ и глаголющимъ, же мы правовѣрные зле вѣримъ отъ Отца самого исходити Духа свята, не отъ Сына.... Тую книгу объ исхожденіи Духа Свята отъ Отца самого, не отъ Сына, освѣщающе я латинамъ, русскимъ языкомъ написалемъ и приписалемъ всея Россіи самодержцу, вашему пресв. царскому величеству.... Желаю отъ вашего царскаго величества, яко Ѳедора, Дара Божія,

¹⁾ Что касается выражений: „летитъ съ своими перушками“, „пальцы съ перьями“, то въ объясненіе ихъ нужно допустить, что Галятковскій въ своемъ возраженіи католикамъ хотѣлъ опереться на сравненія перьевъ орла и коршуна, но потомъ отдумалъ, и немного поздиѣ построилъ на этомъ сравненіи свои возраженія магаметанамъ.

²⁾ Письма Лаз. Барановича, 154—156.

³⁾ Одинъ экз. „Старого костела“ находится въ библ. харьк. дух. семинаріи.

даровъ на друкованіе моей книги, которую хочу въ Новгородѣ-Сѣверскомъ друковать“. Далѣе Галятковскій проситъ прислать ему бумаги и 60 руб. денегъ или 40 соболей, чтобы продавши соболи, онъ могъ уплатить за наборъ и печатаніе книги¹⁾. Просьба Галятковскаго не была исполнена, что видно изъ того, что Галятковскій издалъ книгу на польскомъ языкѣ и посвятилъ ее Барановичу, нигдѣ не упоминая о Дарѣ Божіемъ, царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Посвященіе книги Барановичу любопытно съ двухъ сторонъ, во первыхъ, какъ краткая біографія Барановича, составленная лицомъ современнымъ и близкимъ Барановичу, во вторыхъ, какъ краткая автобіографія Галятковскаго. Въ „посвященіи“ говорится о благодѣтели Барановича, о томъ, что онъ развилъ свой умъ въ разныхъ академіяхъ, въ Вильнѣ, Кіевѣ и Калишѣ, что съ учительской кафедрой онъ затѣмъ обучалъ въ кіевской коллегіи молодежь и съ церковной кафедрой въ разныхъ церквахъ говорилъ проповѣди, что онъ составилъ и издалъ много сочиненій, которыя при этомъ и перечисляются въ такомъ порядкѣ: „Мечъ“, „Трубы“, „Лютня“, „Мѣра“, „Житія святыхъ“, „Księgi rodzaju“ (?) и „Księgi śmierci“ (?), что онъ оказываетъ матеріальную помощь убогимъ, коллегамъ, невольникамъ, сиротамъ, наконецъ даетъ средства на возстановленіе обветшавшихъ церквей и монастырей и на постройку новыхъ, которые при этомъ и перечисляются: новгородѣ-сѣверская церковь Преображенія Господня, черниговская церковь св. муч. Бориса и Глѣба, Троицкій монастырь на Болдинскихъ горахъ. „За эти добрыя дѣла, прибавляетъ Галятковскій, Богъ оказалъ Барановичу многія милости, давши ему игуменство кирилицкое, купятицкое и дятеловецкое, ректорство въ кіевскомъ коллегіумѣ, наконецъ черниговское архіерейство, причемъ Барановичъ, съ согласія царя Алексѣя Михайловича и восточныхъ патріарховъ, получилъ почетное наименованіе архіепископа.“—Въ виду крайней скудости біографическихъ свѣдѣній о Барановичѣ, нѣкогда игравшемъ въ южной Россіи весьма видную роль политическаго и литературнаго дѣятеля, чело-вѣкъ несомнѣнно умномъ, дѣятельномъ и предприимчивомъ, тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Галятковскій, представляютъ большую цѣнность въ научномъ отношеніи. Не менѣе важны сообщенія Галятковскаго о его собственной жизни, о тѣхъ благодѣянїяхъ, которыя

¹⁾ Рукопись въ библ. моск. общ. ист. и древн. № 98.

оказалъ ему Барановичъ. „Когда я, говоритъ Галатовскій, началъ мое ученіе въ кіевской коллегіи, ваша милость, панъ былъ моимъ первымъ учителемъ въ классахъ инфимы и грамматики, а потомъ и въ классѣ реторики, и великую милость оказывалъ мнѣ не только когда я былъ свѣтскимъ, но и когда сталъ монахомъ. Когда я въ опасное военное время пріѣхалъ изъ Волыни въ купятицкій монастырь, ваша милость панъ, будучи тамъ игуменомъ, принялъ меня милостиво и истинно какъ отецъ; перейдя потомъ на ректорство въ Кіевѣ, ты и тамъ давалъ мнѣ ходъ; переселясь также въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда я прибылъ изъ Литвы, ты и тамъ меня обласкалъ, какъ любящій пастырь заблудшую овцу, поддержалъ мое избраніе на черниговскую архимандрію, посвятилъ меня въ этотъ санъ въ церкви Преображенія Господня, доставилъ мнѣ принадлежащія этой архимандріи имѣнія Горбовъ и Авдѣвку съ документами на нихъ, и наконецъ писалъ и посылалъ на Москву ходатайственныя обо мнѣ письма блаженной памяти царю Алексѣю Михайловичу и своими письмами привлекъ на меня великую милость его пресвѣтлаго царскаго величества“. Галатовскій посвящаетъ Барановичу въ знакъ своей благодарности сочиненіе „Stary Kosciol“, или, употребляя иносказательное выраженіе автора, подноситъ ему голубя, огонь, вѣтеръ и облако (образы св. Духа),—голубя, чтобы св. Духъ даровалъ Барановичу спокойствіе,—огонь, чтобы св. Духъ спалилъ всѣхъ его враговъ, вѣтеръ, чтобы св. Духъ вошелъ въ пещеры сердца Барановича, облако, чтобы св. Духъ сокрылъ Барановича отъ враговъ.

Богословскій трактатъ Галатовскаго объ исхожденіи св. Духа отъ Отца раздѣляется на двѣ части: въ первой части (90 стр.) доказывается, что древняя западная церковь держалась древней вѣры, а во второй (105 стр.), что новая римская церковь выдумываетъ новую вѣру. Въ первой части въ пользу православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа исключительно отъ Отца приводятся доказательства изъ св. Писанія, восточныхъ и западныхъ писателей и доводы на основаніи разума. Во второй части опровергаются римскія доказательства „Filioque“, приводимыя изъ св. Писанія и учителей церкви. „Старый Костель“ Галатовскаго по силѣ доводовъ, по систематичности въ изложеніи доказательствъ, по простотѣ и ясности языка стоитъ несравненно выше „Новой Мѣры“

Барановича. Католики признали въ Галатовскомъ сильнаго противника. Съ латинской стороны послѣдовало три возраженія на „Старый Костель“: 1) неизвѣстнаго автора: „Квестійки, или краткіе вопросы по поводу сочиненія Галатовскаго: „Старый Костель“, 2) Вопросы къ разговору объ исхожденіи св. Духа, также неизвѣстнаго автора и 3) Голиаеъ своимъ мечемъ пораженный, уніата Рутки¹⁾. Послѣдняя книга наполнена богословскими разсужденіями о св. Духѣ. Тонъ полемики рѣзкій. Рутка обращается къ Галатовскому съ словами: „О вѣтреная голова!“ и въ другомъ мѣстѣ: „извиваешься какъ змѣя, а на истину попасть не можешь“. Лазаря Барановича. Рутка называетъ козломъ барановичемъ. Языкъ Рутки простой и сильный. Противъ Боймы выступилъ Иннокентій Гизель съ сочиненіемъ „О истинной вѣрѣ“, которое архіеп. Филаретъ называетъ „слабымъ“²⁾. Дѣйствительно, кіевскій „Аристотель“ оказался неудачнымъ полемистомъ. Галатовскій не замаралъ себя личной перепбранкой съ Боймой, но нашелъ вполне соотвѣтствующій ученому челоуѣку способъ отомстить противникамъ православія за ихъ клевету и брань. Въ 1683 г. онъ издалъ противъ католиковъ „Фундаменты, на которыхъ латинники утверждаютъ единство Руси съ Римомъ“³⁾. Въ южно-русской схоластической литературѣ второй половины XVII ст. „Фундаменты“ Галатовскаго составляютъ самое лучшее, наиболѣе выдающееся произведеніе. Въ этой небольшой книжкѣ (всего 100 страницъ) довольно удачно опровергаются поль-

¹⁾ Точныя и полныя заглавія этихъ книгъ слѣдующія:

1) „Na Stary Kosciol zachodni“ I. Galatowskiego, wydany r. 1678, Qvestyjki albo krótkie pytania zadane y rozwiązane. R. 1679. 8+48 str.

2) Quæstiunculæ super Dialogum primum de Processione Spiritus s. a Solo Patre formatae et resolutæ a quodam Latino—romano. R. 1682. Typ. monast. Olivensis. 8+72 str. (Wiszniewski Hist. liter. polsk. VIII. 396).

3) Goliat swoim mieczem porażony, to jest I. Galatowski arch. Jelecki przeciw pochodzenia Duchu S... y kosciolowi rzymskiemu piszący p. X. Theophila Rutkę s. J. Theologa refutowany i swiatu chrześciańskiemu na widok podany. W Lublinie. 1689. 4+171. (Одинъ экз. Голиаеа находится въ библ. харьк. д. ак.).

²⁾ Филаретъ, Обзоръ, I. 285.

³⁾ Fundamenta, na których łacinnicy jedność Rusi z Rzymem fundują, według rzymskiej terazniejszej wiary nowej, prawdziwemi odpowiedziami cerkwi wschodniej wywrócone y zniešione“. Одинъ экземпляръ „Фундаментовъ“ находится въ библ. харьк. духов. семинаріи.

ско-іезуитскія хитросплетенія и выдумки о бывшей будто-бы въ старое время „едности“ малороссіянъ съ римскою церковію. Шагъ за шагомъ, страница за страницей, въ сильныхъ, простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ Галатовскій подкапываетъ и разрушаетъ мнимо-историческія основанія уніи и, никого не браня, не дѣлая никому личныхъ оскорбленій, раскрываетъ предъ своими противниками всю гнусность ихъ гоненія на православныхъ и безчеловѣчность ихъ относительно простого народа.

„Фундаменты“ распадаются на двѣ части. Первая часть начинается картинкой, изображающей сошествіе св. Духа на апостоловъ и Богородицу. За картинкой слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ говорится, что вышедшее въ 1678 г. во Львовѣ сочиненіе о соглашеніи восточной и западной церкви дурно было принято православными потому, что въ основу соглашения положено признаніе главенства папы и „Filioque“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе и опроверженіе 30 фундаментовъ „едности“ Руси съ Римомъ. Фундаменты состоятъ въ томъ, что во время крещенія Руси (насчитывается 5 крещеній) греки находились будтобы въ единеніи съ римскою церковію, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ по единовѣрью, что князь галицкій Данилъ принялъ титулъ короля отъ папы, что преподобные Антоній и Θεодосій, московскіе митрополиты Петръ и Алексѣй, кievскіе митрополиты Михаилъ, Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Солтанъ, позднѣе Михаилъ Рогоза, приняли унію и проч. Галатовскій говоритъ, что во время крещенія Руси греки не признавали главенства папы, что польскіе короли женились на русскихъ княжнахъ изъ политическихъ видовъ, а не по единовѣрью, что Данилъ строго хранилъ православіе, что Антоній, Θεодосій, Петръ и Алексѣй никогда не были уніатами, что принявшихъ унію митрополитовъ: Исидора и Михаила Рагозу, русскіе не признавали владыками, считали ихъ измѣнниками и проч.

Вторая часть, заключающая въ себѣ объясненіе штурмовъ, которыми западная церковь насилуетъ восточную къ принятію уніи, начинается съ картинки, изображающей божественнаго Страдальца на колѣняхъ пресвятой Дѣвы Маріи, сидящей у подножія креста. Эта картинка немного ранѣе была приложена къ „Новой Мѣрѣ“ Барановича. Во второй части четыре главы, или штурма. *Первый штурмъ* со стороны духовныхъ лицъ римской церкви, на-

примѣръ, со стороны Оомы Брюсельскаго, обвиняющаго православныхъ въ потворствѣ и одобреніи воровства, разврата, въ отрицаніи милостыни и молитвы за умершихъ и т. п. Указавъ на неосновательность этихъ обвиненій, Галатовскій говоритъ о притѣсненіи православныхъ католическимъ духовенствомъ. Такъ, іезуиты не допускаютъ православныхъ въ философскій и богословскій классы своихъ коллегій, осмѣиваютъ православное богослуженіе и духовенство, переманиваютъ въ свою кievскую коллегію студентовъ кievо-могилянскій коллегіи. Студентъ, провинившійся въ буйствѣ, уходилъ во избѣжаніе наказанія въ іезуитскій коллегіумъ и здѣсь принималъ католичество. Католики смѣются надъ кievо-печерскими мощами и объясняютъ петлѣніе тѣлъ особенными свойствами кievо-печерской почвы или тѣмъ, что монахи намазываютъ тѣла пахучими маслами. *Второй штурмъ* на православныхъ производятъ уніаты. Галатовскій вспоминаетъ фанатика Кунцевича и, пользуясь сообщеніями изъ разныхъ городовъ, говоритъ о современныхъ гоненіяхъ со стороны уніатовъ. Такъ, пинскій уніатскій епископъ Бѣлзоръ освобождаетъ находящихся въ его владѣніяхъ православныхъ крестьянъ отъ податей, при условіи, что они подѣ Свѣтлое Воскресеніе будутъ ходить въ уніатскую церковь. Жоховскій перешедшимъ въ унію разрѣшаетъ употреблять въ посту мясо. Въ концѣ второго штурма Галатовскій говоритъ о мученической кончинѣ брестскаго православнаго игумена Аванасія Филиповича. Разсказъ Галатовскаго немного разнится отъ превосходнаго по простотѣ и задушевности описанія кончины Филиповича, описанія, составленнаго неизвестными брестскими братчиками¹⁾. У Галатовскаго ошибочно показано, что Филиповичъ въ тюрьмѣ просидѣлъ недѣлю. По достовѣрному свидѣтельству братчиновъ, тюремное заключеніе Филиповича длилось два мѣсяца (съ 1 іюля по 4 сент. 1648). Братчики не подтверждаютъ показанія Галатовскаго, что конь тащилъ Филиповича и что надъ его могилой горѣли свѣчи. *Третій штурмъ* производится хамелеонами, т. е. лицами, перешедшими изъ православія въ латинство, напримѣръ, Касьяномъ Саковичемъ. Галатовскій опровергаетъ мнѣніе Саковича, высказанное въ „Епанортосисѣ“ или „Перспективѣ“, что православные склонны съ соглашеніемъ съ

¹⁾ Русск. истор. библ. IV. Описаніе это помѣщено здѣсь при „Діаріушѣ“ Филиповича.

кальвинистами. *Четвертый штурмъ* противъ православія производятъ паны католики. Галатовскій указываетъ на королевскіе университеты, преграждавшіе православнымъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и замѣчаетъ при этомъ, что Климентій Тризна не получилъ мѣста мстиславскаго епископа, которое получилъ униатъ Жоховскій, не смотря на то, что за Тризну ходатайствовали и просили православные. Паны отняли маестности у волынскаго зименскаго монастыря, бучацкій монастырь отдали доминиканамъ, православную церковь въ Константиновѣ обратили въ кладовую съѣстныхъ припасовъ, въ Минскѣ отдали православную церковь татарамъ, которые обратили церковь въ мечеть; виленскую церковь св. Параскевы католики обратили въ корчму. Въ Брестѣ паны католики запрещаютъ православнымъ священникамъ ходить къ больнымъ съ св. Дарами, рвутъ на священникахъ ризы, выливаютъ на землю св. Дары. Паны католическаго вѣроисповѣданія обращаютъ своихъ слугъ православнаго вѣроисповѣданія въ католицизмъ и запрещаютъ своимъ крестьянамъ ходить въ Кіевъ на богомолье, православныхъ священниковъ заставляютъ отбывать въ полѣ панцицу или посылаютъ ихъ съ подводами въ далекія мѣста. Паны принуждаютъ православныхъ священниковъ участвовать въ католическихъ процессіяхъ и за отказъ или ослушаніе штрафуютъ ихъ или изгоняютъ изъ прихода. Мало того: паны католики своихъ собакъ отдаютъ православнымъ священникамъ на прокормленіе, угрожая священнику отнятіемъ послѣдняго его имущества, если онъ будетъ дурно кормить собакъ. Однажды православные священники просили пана католика быть милосерднымъ къ православнымъ и обѣщали молиться за него Богу. „Не нужно!“ отвѣтилъ панъ; „вашихъ схизматическихъ молитвъ Богъ не слушаетъ. Вообще „Фундаменты“ Галатовскаго восполняютъ многочисленныя свидѣтельства актовъ, гродскихъ книгъ, мемуаровъ и народныхъ пѣсенъ о притѣсненіи православныхъ латино-униатами и указываютъ въ то же время, какъ къ этимъ притѣсненіямъ относился Галатовскій.

На послѣдней страницѣ „Фундаментовъ“ находится небольшое замѣчаніе о Зоплѣ, который осмѣивалъ Гомера и за то былъ повѣшенъ Птоломеемъ. Предвидя возраженія со стороны латинскихъ зопловъ, Галатовскій утѣшаетъ себя тѣмъ, что и у апостола Павла были враги, зоплы. Заключительное замѣчаніе о Зоплѣ было до-

вольно обычно въ южно-русской литературѣ XVII в.; оно, напримеръ, встрѣчается въ „Евхаристиріонѣ“ 1632 г. Сколько извѣстно, латино-униаты не всражались противъ „Фундаментовъ“. Они навѣрно настроили-бы цѣлый рядъ возраженій противъ Галатовскаго, если бы онъ остановился на избитой и истоптанной почвѣ схоластическаго богословія; но Галатовскій зашелъ въ область современной ему бытовой жизни и выдвинулъ такіе вопіющіе факты латино-униатской жестокости и несправедливости по отношенію къ православнымъ, что трудно было его подкопать и одолѣть. Невозможно было опровергнуть такіе факты, которые были у всѣхъ на глазахъ или въ памяти. Пришлось молчать, и латино-униаты на этотъ разъ смолчали. Можетъ быть этимъ молчаніемъ прійдется объяснить малую извѣстность и малую распространенность „Фундаментовъ“. Повидимому, эту книжку потому мало читали, что ее мало ругали.

Въ теченіи многихъ вѣковъ магометанскій міръ посредствомъ крымскихъ татаръ опустошалъ Малороссію. Во второй половинѣ XVII в. на Украину обрушился турецкій султанъ, воспользовавшись слабостью польскаго государства. Въ августѣ 1672 г. турки овладѣли сильнѣйшей польской крѣпостью, Каменцомъ¹⁾. По Буджановскому миру 1672 г. поляки отдали туркамъ Подолію и обязались платить ежегодно дань въ 22,000 червонныхъ. Только военныя дарованія Яна Собѣскаго дали Польшѣ возможность не выполнить унижительныя условія мирнаго договора и возратить Подолію. Въ августѣ 1674 г. турки занимали Чигиринъ, и въ самомъ Кіевѣ со страхомъ ожидали турецкаго намѣстника. Еще въ июлѣ 1674 г. печерскій архимандритъ И. Гизель просилъ у царя пушекъ, пороху и ядеръ для обороны монастыря изъ печерской крѣпости. Въ 1675 г. крымскій ханъ сдѣлалъ попытку уничтожить Запорожье. 15,000 янычаръ были введены въ Сѣчь ночью на праздникъ Рождества Христова, когда товариство „завше звыкло гуляти и подпивати“²⁾. Запорожцы разбили янычаръ, и ханъ бѣжалъ. Въ 1675 году турки разорили часть Галиціи и Волыни³⁾. Въ 1678 г. московскія войска въ защиту отъ татаръ „верхній городъ Кіевъ, идѣ-

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II. 211.

²⁾ С. Величко, Лѣтоп. II. 357—364.

³⁾ Ibid. II. 371.

же церковь св. Софіи и катедра митрополитовъ кіевскихъ, глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша, а войска козацкія за поводомъ гетманскимъ городъ Кіевъ печерскій рвами и крѣпкими валами обваровали и уфундовали¹⁾. Зимой 1681 г. татаре подходили подъ Кіевъ и брали людей въ плѣнъ. Въ 1685 г. кіевляне исправляли городскіе валы для защиты отъ татаръ²⁾. Въ 1687 г. „татары барзо великія шкоды коло Кіева починили, коло самого города, замкомъ (близъ Златыхъ Воротъ), людей побрали, постынали и усе лѣто не давали отпочитку, же зъ города за Лыбедь трудно было выйти, не дбаючи на тое, що наши войска на Крымъ пошли“³⁾. Слободская Украина въ XVII и XVIII ст. очень часто была опустошаема татарскими отрядами, и битвы съ татарами происходили подъ самимъ Харьковомъ⁴⁾. Татарскія и турецкія нашествия сопровождались жестокимъ избиеніемъ малоросіянъ и издѣвательствомъ надъ православными святынями. Побѣдители брали украинскихъ дѣвушекъ въ плѣнъ, обрацали церкви въ мечети, иконами мостили улицы⁵⁾. Въ эту тяжелую для Малоросіи эпоху турецкихъ и татарскихъ нашествій и набѣговъ сложились невольничіи думы, составляющія одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ отдѣловъ малорусской народной поэзіи. Въ пѣсняхъ и думахъ о борьбѣ съ татарами и турками вылилась многострадальная душа народа. Здѣсь народъ выплакалъ свое вѣковое горе; здѣсь онъ выразилъ чувство ненависти къ своимъ исконнымъ врагамъ магометанамъ; здѣсь прославлены народные герои, безстрашно пускавшіеся на утлыхъ чайкахъ въ Черное море и громившіе турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Въ пѣсняхъ и думахъ народъ съ замѣчательной точностью передалъ исторію своихъ страданій: какъ татары жгли села, топтали конями дѣтей, какъ мучили плѣнныхъ, какъ „турки білу челядь забирали“, какъ скрывались отъ татаръ въ водѣ, но боясь,

¹⁾ Ibid. II. 478.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. II. 173, 178.

³⁾ Лѣтопись Самовидца. Въ 1687 г. былъ первый походъ кн. В. В. Голыцына на Крымъ.

⁴⁾ Филаретъ, Истор.-стат. Опис. Харьк. спархіи. I. 108, 109, 114, 117, 119—122; II 58—63, 198—206 и во мног. друг. мѣстахъ.

⁵⁾ Маркевичъ, Исторія Малоросіи. II. 209.

чтобы тутъ не выдала чайка, пробирались въ лѣса съ маленькими дѣтьми¹⁾.

Общественныя бѣдствія, протекавшія отъ татарскихъ набѣговъ, усиливали въ народѣ вѣру въ чудеса, порождали сказанія о необыкновенныхъ явленіяхъ въ природѣ, предвѣщавшихъ турецкое нашествіе. Такъ, въ 1675 г., во время нашествия турокъ на Галицію и Волинь, „въ монастырѣ елецкомъ черниговскомъ, за архимандритства о. І. Галятовскаго, чрезъ двоихъ чеснихъ іеромонаховъ и иныхъ того монастыря законниковъ и людей свѣтскихъ мѣсяца августа, на отдане праздника Успенія пресвятой Дѣвы Богородицы, о полночи, близко того монастыря елецкаго на ясномъ небѣ два столпи зъ оболочку бѣлаго учиненіе, еденъ отъ стороны полуденной, а другій полуночной, видѣны бяху, которые зъ собою спешись вдарилися²⁾, презъ которыи столпи Дѣва пресвятая Богородица тимъ законникамъ елецкимъ тое ознаямила, же войско христіанское съ магометанскимъ войскомъ турецкимъ въ Малой тогобочной Россіи того власне часу, якъ столпи были видѣнны, потикало и войну чинило“³⁾.

Выдающіеся южно-русскія духовныя лица второй половины XVII в. Галятовскій и Гизель, особенно Барановичъ, раздѣляли народную ненависть къ туркамъ и татарамъ и дѣйствовали противъ нихъ всѣми возможными для духовныхъ лицъ средствами: зывали къ московскому царю о помощи, отклоняли малоросіянъ отъ мысли покориться султану, поддерживали мужество козаковъ, издавали сочиненія противъ магометанской вѣры.

Во время турецкаго нашествия на правобережную Украину въ 1677 г. Барановичъ, исполнявшій обязанности кіевского митрополита за смертью Діонисія Балабана, созвалъ въ Кіевъ на соборъ настоятелей главныхъ южно-русскихъ православныхъ монастырей: монастыря печерскаго—И. Гизеля, монастыря елецкаго—Іоанникія Галятовскаго, монастыря новгородъ-сѣверскаго—Михаила Лежайскаго

¹⁾ Въ водѣ прятались иногда съ головой, имѣя во рту пустую въ серединѣ камышину, черезъ которую дышали.

²⁾ Нужно думать, что рѣчь идетъ о сѣверномъ сіяніи, которое нрѣдка бываетъ видно въ Малоросіи.

³⁾ С. Величко Лѣтопись. II. 372.

и др. ¹⁾). По соборному опредѣленію, Барановичемъ во всё мѣста Малороссіи были разсланы двѣ грамоты, сходныя по содержанію: одна грамота отъ 4 мая 1677 г., другая въ 1678 г. Предпославъ духовенству и мірянамъ свое пастырское благословеніе и замѣтивъ, что нашествіе турокъ „грѣховъ ради нашихъ стается“, Барановичъ предписываетъ духовнымъ лицамъ служить молебны о побѣдѣ надъ басурманами, а мірянамъ предписываетъ соблюдать постъ, воздерживаться отъ пѣнія, игръ и музыки ²⁾).

Въ 1679 г. изъ повгородъ-сѣверской типографіи Барановича вышло небольшое сочиненіе (въ 66 стр.) Галатовскаго подъ заглавіемъ „Лебедь“ съ 5-ю перьями, или Христось съ 5-ю бож. дарами ³⁾).

Первое лебединое перо показываетъ причины продолжительнаго существованія магометанской вѣры. Богъ терпитъ магометанъ, потому что не наполнилась мѣра ихъ грѣховъ, терпитъ для испытанія христіанъ въ твердости вѣры, въ наказаніе христіанскихъ государей за ихъ раздоры и въ виду возможности обращенія магометанъ въ христіанство. Какъ-бы то ни было, магометанство должно погибнуть. По словамъ Баронія, Турція будетъ покорена французами; по словамъ Өомы Брюссельскаго—русскими.

Второе лебединое перо показываетъ причины, почему многіе народы приняли магометанство: повелѣніе Магомета распространять исламъ посредствомъ меча, разрѣшеніе разврата (многоженство), простота и общедоступность магометанскаго вѣроученія, обращеніе въ магометанство христіанскихъ дѣтей (янычары), пере-

¹⁾ Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. I. 43.

²⁾ Акты Западной Россіи. V. 141—144.

³⁾ Полное его заглавіе слѣдующее: *„Łabędz z piórami swemi, z дарami boskiemi Christus prawowiernemu narodowi chrześciańskiemu łabędziowym piórem swej mądrości boskiej wypisuje przyczyny, dla których długo trwa na świecie secta mahometañska i dla których wiele narodow przyęli zakon Mahometow i dla których na wojnie mahometani szczęście mają, chrześcian zwyciężają i miasta i panstwa chrześcianskie posiadają. Ten ze Łabędz Chrystus łabędziowym piórem swej nauki boskiej wypisuje fortele wojenne, ktorymi na wojnie Machometanow swoich przeciw chrześcian Mahomet pobudza, i fortele wojenne, ktoremi chrześcianie Machometanow i każdego nieprzyjciela swego na wojnie zwyciężyc mogą, albo się od nieprzyjciela obronic. Одинъ экземпляръ „Лебеда“ находится въ бібліотекѣ харьковской духовной семинаріи.*

ходъ бѣглыхъ преступниковъ изъ христіанъ въ магометанство. Кромѣ того Галатовскій говоритъ, что въ аду, по Божьему произволению, будетъ болѣе людей, чѣмъ въ раю, и вотъ для наполненія ада пужны магометане. Въ концѣ втораго „пера“ Галатовскій прибавляетъ еще два возможныхъ случая уничтоженія магометанъ: магометане погибнутъ въ междоусобной войнѣ или будутъ обращены въ столбы.

Третье лебединое перо показываетъ причины, почему магометане на войнѣ побѣждаютъ христіанъ: грѣхи христіанъ, ссоры ихъ царей, небрежность на войнѣ. Въ концѣ главы о третьемъ лебединомъ перѣ находится весьма замѣчательное мнѣніе Галатовскаго о возможности союза православныхъ народовъ, которые могли бы освободиться отъ турецкаго ига, дѣйствуя единодушно. „Такъ и теперь, говоритъ Галатовскій, греки, болгаре, сербы, боснійцы, молдаване, валахи и иные христіанскіе народы, которые служатъ туркамъ, когда Богъ захочетъ, могутъ согласиться и уговориться между собою, выбиться изъ турецкой неволи и турокъ сдѣлать своими рабами, возвратить гробъ Христовъ и святыя мѣста.“

Если принять во вниманіе это любопытное замѣчаніе Галатовскаго и тѣ мысли о необходимости союза поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, которыя высказаны Барановичемъ въ „Лютнѣ“, то можно съ увѣренностью утвердить, что среди малорусскаго духовенства второй половины XVII в., вполне созрѣла идея политическаго единенія народовъ православнаго вѣроисповѣданія и преимущественно славянскаго корня. Не исключались изъ этого союза даже поляки, непримиримые враги малоруссовъ. Въ своей „Лютнѣ“, въ одной изъ виршъ Барановичъ говоритъ, что московскій и польскій орлы, соединившись, могли-бы повергнуть къ ногамъ своимъ магометанскую луцу; другую виршу онъ посвятилъ на опроверженіе ходячаго мнѣнія (во времена Барановича), что „poki świat swiatem nie będzie rusin polakowi bratem.“ Такія тенденціи Барановича и Галатовскаго представляютъ довольно сознательное выраженіе внутренней связи малорусскаго народа съ южными и западными славянами въ XV—XVII столѣтіяхъ. Разгромомъ прибрежныхъ турецкихъ городовъ казаки мстили не только за несчастія своей родины, но и за угнетеніе всего южнаго славянства. Югославяне надѣялись, что Богданъ Хмельницкій освободитъ ихъ отъ

турокъ, и Хмельницкій дѣйствительно приготавлился „промышлять надъ турецкимъ царемъ.“ Есть основаніе думать, что Хмельницкій замышлялъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Украинѣ, стужьмъ даже склонить на свою сторону турецкаго султана; но тутъ подвернулся для Хмельницкаго крайне неблагопріятныя политическія обстоятельства, напоръ поляковъ, грабежи татаръ, опасность потерять въ московскомъ царѣ послѣднюю опору на случай крайности, и повернули мысли его въ другую сторону. Проблеснувшая мысль о союзѣ поработенныхъ славянскихъ народовъ, о взаимной ихъ другъ другу помощи для общаго дѣла славянской свободы, которая могла-бы организовать въ такую или иную политическую комбинацію, оставлена въ самомъ началѣ, хотя самая идея славянства была тогда живѣе, связь славянъ между собою и въ частности съ Малороссією тѣснѣе и ближе и даже въ Румыніи славянскій элементъ былъ весьма значителенъ. Гораздо ранѣе Хмельницкаго еще въ XV в. малорусскіе козаки, подъ предводительствомъ князей Острожскихъ и Сигизмунда Корибута, ходили въ Чехію помогать чехамъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами ¹⁾.

Четвертое лебединое перо описываетъ военныя уловки или фортели, которыми Магометъ поднимаетъ въ Коранѣ мусульманъ противъ христіанъ: замѣчаніе о распространеніи ислама мечемъ, замѣчаніе о томъ, что магометанину принадлежитъ земля, гдѣ ступила нога его коня, обѣщаніе райскаго блаженства борцамъ за вѣру и др.

Пятое лебединое перо изображаетъ военныя мѣры, посредствомъ которыхъ христіане могутъ побѣдить магометанъ. Изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, западно-европейскихъ и польскихъ историковъ Галатовскій выбралъ около 40 случаевъ, когда побѣда была одержана въ слѣдствіе хитрости, и онъ рекомендуетъ эти военныя хитрости христіанамъ. Тутъ встрѣчается рассказъ о деревянномъ конѣ, ввезенномъ въ Трою, о томъ, какъ турки завлекли въ ровъ Владислава III, какъ древляне убили великаго князя Игоря, какъ Владимиръ св. взялъ Херсонесъ, и друг.

Въ концѣ книги Галатовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ наклонности магометанъ къ колдовству, при чемъ одинъ примѣръ

¹⁾ Первольфъ. Славянск. взаимность, 151, 277.

заимствованъ изъ польскаго перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Т. Тасса. Галатовскій серьезно вѣрилъ, что Именъ былъ колдунъ и что татары насылаютъ на христіанъ болѣзни, колдуя на сердцахъ убитыхъ людей. Магометъ у Галатовскаго не болѣе, какъ бѣсноватый, магометане—слуги дьявола и магометанское ученіе—дѣло дьявола.

Въ концѣ XVII ст. „Лебедь“ былъ переведенъ на русскій языкъ ¹⁾. Противъ „Лебеда“ издано было злое сатирическое стихотвореніе „List do Galatowskiego“ ²⁾.

Вскорѣ послѣ выхода „Лебеда“ вышло другое сочиненіе Галатовскаго противъ магометанъ: „Alkoran Mahometa od (koheleta) Chrystusa zniszczony i w niwec obrocony“. Мѣсто изданія—Черниговъ. Время изданія у разныхъ библиографовъ и историковъ показано различно: у Вишневскаго въ 1683 г., у Костомарова въ 1687 г., у архіеп. Филарета въ 1688 г. По словамъ Н. И. Костомарова, въ „Алкоранѣ“ говорится о жизни и ученіи Магомета и повторяется преданіе о томъ, что турки будутъ побѣждены христіанами. „Алкоранъ“ раздѣленъ на 12 частей и изложенъ въ формѣ диспута между алкораномъ и когелетомъ. Сочиненіе посвящено царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ ³⁾. Переводчикъ посольскаго приказа Годзеловскій перевелъ его на русскій языкъ ⁴⁾.

Наряду съ Барановичемъ и Галатовскимъ, какъ дѣятельный членъ литературнаго и политическаго кружка Барановича, И. Гизель также писалъ противъ турокъ. Въ 1667 г. И. Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманъ и покориться православному московскому царю ⁵⁾.

Въ XVI ст., въ золотое время польской свободы, въ Польшѣ и Литвѣ возникли разные расколы и ереси, проникшіе и въ южную Русь; въ особенности глубокіе корни пустило аріанство. Аріанство, отвергавшее божественность Христа, какъ извѣстно, возникло въ IV ст. и было осуждено на Никейскомъ соборѣ 325 г. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ концахъ христіанскаго

¹⁾ Филаретъ, Обзоръ дух. литер., I. 288 (у Толстаго, II. 26).

²⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polsk. VIII. 394.

³⁾ Костомаровъ, Русск. Исторія въ жпзнеоп. II. 370.

⁴⁾ Филаретъ, Обзоръ, I. 288.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 15.

міра. Въ XVI ст. представителемъ аріанства на Западѣ былъ Серветъ, сожженный Кальвиномъ. Въ 1551 году послѣдователи Сервета, Лелій и Фаустъ Социны перенесли аріанство въ Польшу, гдѣ оно, по имени Социновъ, стало называться социніанствомъ. Въ короткое время возникло множество социніанскихъ толковъ. Фаустъ Социнъ примирилъ аріанскія партіи, утвердивъ между ними единство въ главныхъ вѣрованіяхъ. По изъясненію Фауста Социна, откровеніе есть главный источникъ и основаніе вѣры; но въ объясненіи словъ св. Писанія человѣческому разуму долженъ быть предоставленъ полный просторъ. Богъ Отецъ всесовершенъ, безначаленъ, несотворенъ, а самъ все сотворилъ. Иисусъ Христосъ, по ученію Социна, былъ смертный человѣкъ, но, зачатый во чревѣ св. Дѣвы безъ мужа напіемъ св. Духа, онъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ сыномъ Божиимъ, присвоеннымъ или усыновленнымъ. Черезъ крестныя свои страданія и воскресеніе Иисусъ Христосъ сдѣлался Богомъ и потому Его можно прославлять и призывать въ молитвахъ. Но Христосъ не есть Слово, черезъ которое все сотворено. Онъ всесовершеннѣйшій пророкъ, богодухновенный человѣкъ, челоѣко-Богъ, но не Бого-челоѣкъ. Своей крестной смертью Христосъ не искушилъ людей отъ грѣха и не ввелъ ихъ въ послѣдіе вѣчной жизни, но лишь показалъ, какъ они могутъ умилостивить Бога. Св. Духъ есть даръ Божій, подаваемый вѣрующимъ и всей полнотой своей почивавшій во Христѣ. Социніане признавали только два таинства, причащеніе и крещеніе, не придавая однако имъ таинственнаго значенія. Нравственное ученіе социніанъ было строго. Въ церковныхъ учрежденіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ социніане не отличались отъ протестантовъ. Время отъ объединенія социніанскихъ партій въ 1585 г. до открытія гоненія на нихъ со стороны польскаго правительства и народа въ 1638 г. было самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи польскаго социніанства. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи: въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Венгровѣ, Пинчовѣ, Кіевѣ. Глѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ. Въ 1638 г., по случаю выхода въ свѣтъ одной богохульной книжки, въ Раковѣ была закрыта социніанская церковь, школа и типографія, и самый городъ вскорѣ былъ разрушенъ католиками. Въ 1644 г.

были закрыты социніанскія церкви и школы на Волыни. По сеймовымъ постановленіямъ 1658, 1659, 1661 и 1662 годовъ социніанскія общины были уничтожены, при чемъ одни социніане вынуждены были принять католицизмъ, другіе были изгнаны, третьи казнены¹⁾.

Можно думать, что религиозное броженіе умовъ въ Литвѣ и южной Россіи, вызванное социніанствомъ, не смотря на драконовскія относительно социніанъ постановленія сейма 1662 г., не совсѣмъ улеглось. Въ образованномъ южно-русскомъ обществѣ, вѣроятно, встрѣчалось еще не мало людей съ социніанскими убѣжденіями и вѣрованіями, скрываемыми подъ личиной польско-католическаго благочестія. Иезуиты съ свойственной имъ ловкостью воспользовались религиозно-общественнымъ настроеніемъ, вызваннымъ социніанствомъ. Они обвиняли православныхъ въ наклонности къ кальвинизму и социніанству. Сдѣлавъ имя аріанъ ненавистнымъ въ Рѣчи Посполитой, они охотно стали примѣнять это имя къ православнымъ, направляя такимъ образомъ противъ нихъ фанатическое польско-латинское духовенство и шляхетство. Киприанъ Жоховскій печатно называлъ Барановича и Галытовскаго аріанами²⁾.

Издавая сочиненія противъ аріанъ, призывая на ихъ голову всѣ кары небесныя и земныя, Галытовскій глѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о живости взводимыхъ иезуитами на православныхъ обвиненій въ наклонности къ аріанству. Южно-русскій ученый не замѣтилъ однако того, что, обѣляя себя и своихъ единовѣрцевъ передъ глазами католиковъ рѣзкимъ осужденіемъ еретиковъ, онъ по духу слишкомъ приблизился къ своимъ гонителямъ иезуитамъ, слишкомъ проникся ихъ злобой, нетерпимостью, ихъ ненавистью къ челоѣку.

Вообще противъ еретиковъ направлено сочиненіе Галытовскаго Алфавитъ („Alphabetum rozmaitym heretikom niewiernym dla ich nauczenia u nawrocenia do wiary katolickiej).“ Напечатано въ Черниговѣ, въ типографіи Барановича, 23 іюня 1681 г., съ обозначеніемъ имени автора.

¹⁾ Левицкій, О южнор. соцп., въ „Кіевской Старинѣ“, 1882 г.; Соколовъ, Отношеніе протестантовъ къ Россіи, стр. 259—262.

²⁾ Fundamenta, Галытовскаго, стр. 83.

Противъ арианъ Галатовскій издалъ въ Черниговѣ въ 1686 г. „Софія мудрость“¹⁾.

„Алфавитъ“ посвященъ гетману Ивану Самойловичу въ знакъ благодарности за благодѣянія, оказанныя имъ автору книги и елецкому монастырю. За посвященіемъ слѣдуетъ краткая „Предмова до чительника“, въ которой еретики сравниваются съ дымомъ, саранчой и прочимъ, упоминаемымъ въ 9 главѣ Апокалипсиса. За предмовой слѣдуетъ стихотвореніе въ 10 строкъ, обращенное къ еретику,—одна изъ рѣдкихъ виршей Галатовскаго.

Te хіеge przy kłopotach, z kosztem, z pracy, chory
Napisalem, abym wszedł w niebieskie życie dwory,
Żadając niewiernych do wiary nawrócenia²⁾... и проч.

Въ самомъ „Алфавитѣ“ перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ имена еретиковъ; въ двухъ-трехъ строкахъ говорится объ ихъ заблужденіяхъ, и затѣмъ слѣдуетъ возраженіе Галатовскаго, иногда въ нѣсколько страницъ. Пространныя возраженія изложены въ формѣ діалоговъ между православнымъ и еретикомъ. Сравнительно большая обширность нѣкоторыхъ возраженій и опроверженій Галатовскаго происходитъ отъ того, что въ нихъ вставлены богословскіе трактаты о св. Троицѣ, о божествѣ Христа (13—24), о пребываніи душъ на небѣ (43—57), о странномъ судѣ (60—75), объ иконопочитаніи (97—102), о формѣ и значеніи таинствъ, о св. мощахъ и проч. Трактаты эти представляютъ повтореніе того, что говорилось уже въ „Ключѣ“ и „Мессіи“.

Галатовскій въ изложеніи еретическихъ мнѣній и въ опроверженіи ихъ обнаруживаетъ крайнее неумѣнье отличать важное отъ пустаго и большое смѣшеніе понятій. О Херингѣ, Эолѣ, Флоринѣ говорится болѣе, чѣмъ о Лютерѣ и Кальвинѣ. Въ число ере-

¹⁾ „Sophia mądrość zbudowała sobie dom u wgruntowała siedm słu-
pów u mieszkając w tym domu, rozmaite na świecie czyni cuda przeciw
Arianow heretykow u już wczyniła u przez w. w. Bogu o. J. Galatowskiego,
arch. czern. — jeleckiego, swiatu objawiła“. Въ фундамент. библіотекѣ харь-
ковской духовной семинаріи находится „Alphabetum“ и „Sophia mądrość“, по
одному экземпляру.

²⁾ „Въ хлопотахъ, съ большими издержками и трудомъ, больно, написалъ
я эту книгу, чтобы войти въ небесное жилище, желая, чтобы невѣрующіе обра-
тились къ вѣрѣ“ и пр.

тиковъ попали китайцы, японцы, мексиканцы, Зороастръ, Ксерксъ, греческіе философы, Маккиавели. Китайцы попали въ еретики за пощеніе косы, японцы за ученіе о богѣ Амидѣ, будто бы пострадавшимъ за челоѣчество, мексиканцы за поклоненіе идолу, сдѣланному изъ муки, меда и разпыхъ кореньевъ. Зороастру приписано изобрѣтеніе чародѣйства. Демократъ оказался въ числѣ еретиковъ на томъ основаніи, что училъ о происхожденіи міра изъ атомовъ, Диогоръ за ученіе о случайномъ происхожденіи міра и о господствѣ въ мірѣ случая, Зенонъ за ученіе, что душа челоѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ, воздуха, воды, огня и земли, Гериаллъ за то, что высшимъ благомъ челоѣка считалъ мудрость, Платонъ за ученіе о существованіи душъ солнца, луны и звѣздъ, Ксенофонтъ за ученіе о вѣчности міра. Послѣдователи Маккиавели признаны еретиками за то, что ставятъ государство выше церкви. Галатовскій опровергаетъ древнихъ философовъ доводами изъ св. Писанія; наприм., Гериалла халкедонскаго опровергаетъ словами ап. Павла, что земная мудрость—глупость передъ Богомъ. Магомету въ „Алфавитѣ“ отведено полъ-страницы; впрочемъ, сообщеніе о Магометѣ довольно вѣрно исторически и содержательно. Лютеру въ „Алфавитѣ“ посвящено еще менѣе мѣста, чѣмъ Магомету, причемъ обнаруживаются крайне скудныя свѣдѣнія Галатовскаго о протестантствѣ. Южнорусскій ученый могъ только замѣтить, что Лютеръ добрыя дѣла считалъ грѣхомъ и за это ночью былъ давленъ чортомъ, который скрутилъ Лютеру шею. Повидимому, и наставникъ Галатовскаго Барановичъ весьма мало зналъ о протестантствѣ и лишь глумился надъ Лютеромъ. Въ „Лютинѣ“ находится вирша „Lutrowi—Jotrowi“, въ которой Лютеръ названъ волкомъ, а жена его, бывшая монахиня, волчицей. По словамъ Галатовскаго, Кальвинъ называлъ себя краеугольнымъ камнемъ, о которомъ говорится въ евангеліи. „За это богохульство“, грубо и злобно замѣчаетъ Галатовскій на основаніи какого нибудь челоѣко-ненавистнаго іезуитскаго свидѣтельства, „Кальвина съѣли вши, которыя выходили изъ его тѣла и сыпались; отъ этой вшивой болѣзни происходилъ въ его тѣлѣ столь сильный смрадъ, что люди убѣгали отъ него и самъ онъ задохся отъ собственнаго смраду“. На Гуса Галатовскій смотритъ съ точки зрѣнія среднеѣковыхъ католиковъ, осудившихъ великаго чеха на сожженіе. Галатовскій признаетъ за

духовными лицами право проклинать мірянъ. Говоря о томъ, что самаритяне впадали въ идолопоклонство, Галатовскій замѣчаетъ, что и русскіе не отрѣшились вполне отъ языческихъ вѣрованій въ Ладю, Купала, Леля-Полеля, Чура. „Наши христіане, говоритъ Галатовскій, „и теперь во время свадьбы или какого публичнаго увеселенія упоминаютъ о Ладю; въ честь Купала падаютъ вѣнки на свою голову, опоясываются цвѣтами и травами, прыгаютъ чрезъ огонь и танцуютъ вокругъ него, взявшись за руки и распѣвая купальскія пѣсни; вспоминаютъ въ пѣсняхъ Леля-Полеля¹⁾); подъ праздникъ Рождества Христова вспоминаютъ Чура и распѣваютъ по дворамъ развратныя пѣсни“. Подъ развратными пѣснями, очевидно, подразумеваются колядки. Объ обычаѣ колядованія находится упоминаніе въ „Листоосѣ“ 1644 года. Любопытно не столько перечисленіе нѣкоторыхъ остатковъ языческихъ вѣрованій въ Малороссіи въ XVII в., сколько заключительное замѣчаніе Галатовскаго. „Духовныя лица, замѣчаетъ Галатовскій, искореняютъ эти суевѣрія своими наставленіями, но ихъ не слушаютъ; потому свѣтскимъ лицамъ слѣдуетъ силою изгнать эти суевѣрія“. Южнорусскій ученый, очевидно, желалъ приложенія къ малорусской народной жизни приудительныхъ и регламентирующихъ законодательныхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ правиламъ, которыя практиковались въ XVI—XVII ст. въ московскомъ государствѣ.

Заключительное обращеніе къ читателю состоитъ въ объясненіи того, что изъ Алфавита видно, т. е. что еретики хуже жидовъ и язычниковъ, по демонскому внушенію производятъ ложныя чудеса, хитры, развратны, вообще достойны смертной казни.

„Софія мудрость“ посвящена кievскому митрополиту Гедеоу Святопольку Четвертинскому (хиротонисанъ изъ луцк. еп. въ кiev. митр. 8 нояб. 1685 г., † 6 апр. 1690 г.). Въ предисловіи говорится о родѣ кн. Четвертинскихъ и приложено изображеніе Купятицкой иконы Богоматери. Въ книгѣ 25 листиковъ (50 стран.), на которыхъ изложены чудеса, свидѣтельствующія о преступности аریانъ. Всѣхъ чудесъ 51. Чудеса заимствованы преимущественно изъ Баронія. Отличительная особенность чудесъ въ „Софіи“—жестокость. И въ

¹⁾ Свидѣтельство это заимствовано изъ Кромера, который о Лелѣ и Палелѣ упоминаетъ въ соч. „De origine et reb. gest. Polan.“ III. 30.—Прм. а в т.

„Небѣ“ грѣшники терпятъ наказаніе отъ Богоматери; но иногда получаютъ прощеніе. Въ „Софіи“, этомъ жалкомъ исчадіи кievомогиланской науки, Богъ является исключительно грознымъ и карающимъ. Для еретиковъ нѣтъ другаго наказанія, какъ искалѣченіе и смерть; напр. во 2 чудѣ арианинъ убитъ громомъ, въ 4—облитъ въ банѣ кипяткомъ, въ 5—убитъ конемъ, въ 6—у арианск. еписк. Зосимы выльзъ языкъ, въ 23—самъ Арій распухъ и умеръ скоропостижно мучительной смертью. Въ заключительномъ обращеніи къ „ядовитому Скорпіону зоилю“ Галатовскій говоритъ, что русскій народъ живетъ подъ небеснымъ зодіакомъ Скорпіона. „Неласковый и гнѣвный Скорпіонъ своимъ небеснымъ вліяніемъ побуждаетъ народъ русскій къ войнамъ“.

Въ 1686 г. Галатовскій издалъ въ Черниговѣ на русскомъ языкѣ сочиненіе „Боги поганскіе“. Эта небольшая книжка (12+34) нынѣ представляетъ большую библиографическую рѣдкость. Въ библиотекѣ Хлудова (въ Москвѣ) находится одинъ экземпляръ. Сочиненіе посвящено царицѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Содержаніе сочиненія видно изъ заглавія. „Боги поганскіе въ болванахъ мѣшкающіе духове злыи, тутъ же посполу ихъ rozmaитыи злости написани, жебы христіане правовѣрные могли отъ себя злыхъ духовъ отогнати и подоплати и поплевати и силу ихъ зламати и надъ ними триумфовать“. Здѣсь говорится, что демоны, скрывающіеся въ статуяхъ языческихъ боговъ, обманываютъ христіанъ ложными чудесами; иногда демоны являются въ тѣлесномъ видѣ, сдѣлавъ себѣ тѣло изъ воздуха или облака. Демоны болѣе всего боятся Богородицы, костей святыхъ и молитвы.

Послѣднее сочиненіе Галатовскаго, изданное имъ за годъ до кончины, носитъ названіе: „Души людей умерлыхъ зъ тѣла выходящія отходятъ на три мѣсяца, ипшіи до неба, ипшіи до пекла, ипшіи на мытарства“¹⁾. Книжка небольшая, написана на русскомъ языкѣ, издана въ Черниговѣ въ 1687 г. Это такое-же сухое и безсодержательное порожденіе кievомогиланской науки, какъ и два предъидущія сочиненія Галатовскаго. Въ „Душахъ“ много схоластическихъ пустяковъ; напр. въ концѣ предмовія въ формѣ прописныхъ буквъ показаны „оружія страстей Христовыхъ“: П—столбъ,

¹⁾ Одинъ экз. „Душъ“ находится въ библ. харьковск. духов. семинаріи.

у котораго бичевали Христа, X—клещи, которыми извлекали гвозди изъ его рукъ и ногъ и т. д.; къ каждой фигурѣ приложено риемованное двустипіе. Въ „Душахъ“ перечисляются 11 небесъ, говорится о 9 ангельскихъ чинахъ, о томъ, съ кѣмъ святые ведутъ на небѣ дружбу, о раздѣленіи ада на отхлань и геенну, о разныхъ мукахъ грѣшниковъ, о мытарствахъ души и о борьбѣ святыхъ съ чертями за душу умершаго. „На повѣтрѣ, замѣчаетъ Галытовскій, полно есть злыхъ духовъ, которые съ нами войну точать, до грѣха насъ приводятъ и души людскія задерживаютъ“, — замѣчаніе, характерное для историка демонологіи, особенно при опредѣленіи темныхъ средневѣковыхъ вѣрованій и понятій, занесенныхъ въ южную Русь схоластической школой.

Іоанникій Галытовскій, „поживъ богоугодно, преставися въ старости въ 1688 году мѣсяца януарія 2 дня, положень есть въ храмѣ Успенія пр. Богородицы, подѣ формою своею. Сія чтеніи глаголи: сотвори ему, Господи, вѣчную память“. Слова эти находятся въ елецкомъ помянникѣ¹⁾. Кончина Галытовскаго не была замѣчена современниками. Объ ней не упоминаетъ Барановичъ въ своихъ письмахъ. Не упоминаетъ о смерти Галытовскаго и св. Дмитрій Ростовскій, старательно отмѣчавшій въ своемъ Діаріушѣ время кончины южнорусскихъ духовныхъ лицъ, даже простыхъ монаховъ, чѣмъ либо отличавшихся, отмѣтившій, между прочимъ, время кончины одного благочестиваго постриженника Галытовскаго²⁾.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кievской духовной академіи находится старинный портретъ Галытовскаго. Портретъ обгнилъ вокругъ, но лицо хорошо сохранилось, хотя нѣсколько закопчено.

Бросая послѣдній взглядъ на Галытовскаго, какъ человѣка и писателя, мы должны признать въ немъ человѣка благочестиваго, умнаго и образованнаго. Нельзя однако не замѣтить, что богатія дарованія Галытовскаго были въ значительной степени искалѣчены школой. Кіево-могилянская схоластика внесла въ его ученую и литературную дѣятельность нѣчто такое, что помѣшало ему вполнѣ стать на народную точку зрѣнія и работать въ интересахъ народа.

¹⁾ Истор.-стат. Опис. черниг. епарх. III, 18.

²⁾ Дмитрій Ростовскій. Сочиненія, I. 10.

Южнорусскія народныя нужды и стремленія подсказывали ему темы для сочиненій и наводили его на мысль писать противъ католиковъ, магометанъ и евреевъ; но лишь только Галытовскій брался за перо, какъ вмѣсто живаго сочетанія современныхъ ему фактовъ въ огромномъ большинствѣ его сочиненій выступаетъ искусственное сопоставленіе книжныхъ свѣдѣній, безъ соответствія ихъ съ дѣйствительностью. Если позволительно объ ученикѣ судить по учителю, о Галытовскомъ по Барановичу (а между ними, несомнѣнно, существовала самая тѣсная духовная связь), то можно допустить, что Галытовскій въ своей частной жизни, въ общественной и политической дѣятельности стоялъ къ родной землѣ гораздо ближе, чѣмъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Вообще по сочиненіямъ южнорусскихъ писателей второй половины XVII в., преимущественно по сочиненіямъ Барановича и Галытовскаго, легко убѣдиться, что наука въ это время въ южной Россіи, при внѣшнемъ обманчивомъ богатствѣ, выражавшемся главнымъ образомъ толстотой книгъ и обиліемъ ссылокъ на пособия, была въ дѣйствительности явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни. Исторія южнорусской науки и литературы второй половины XVII вѣка свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго.

Н. Ө. Сумцовъ.

12 декабря 1883 года.